ЛЕВ ОСТРОУМОВ



МАКАР-СЛЕДОПЫТ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Лев Остроумов

Макар-следопыт

«Алисторус»
2026

УДК 82.02
ББК 84стд1-445.7

Остроумов Л. Е.

Макар-следопыт / Л. Е. Остроумов — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-177-7

Лев Евгеньевич Остроумов (1892–1955) — яркая фигура в истории советской литературы. Поэт, переводчик, романист… Его повесть «Макар-следопыт» стала первым советским бестселлером. Эта книга в 1920-е годы снискала неслыханную популярность! Несколько поколений зачитывались захватывающими и невероятными приключениями деревенского паренька, ставшего неуловимым разведчиком, который действовал в тылу белых и ставил в тупик самого генерала Деникина. Для Макарки Жука не было безвыходных положений. Книга, ставшая классикой приключенческой литературы, стала основой замечательного кинофильма. Книга, в которой сохранился колорит времени, предназначена не только для поклонников ностальгического детектива. Она захватит вас чередой головоломных загадок и приключений.

УДК 82.02
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-177-7

© Остроумов Л. Е., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Часть первая. Кто такой был Макарка Жук 6
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лев Остроумов
Макар-следопыт

© Остроумов Л. Е., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая. Кто такой был Макарка Жук



По холмистому берегу широкой реки Днепра раскинулось село Заборы. Большое было село, на три версты тянулось оно по реке; холмы полукольцом охватывали заливные луга – плавни, где много было болот и степных озер, заросших осокой и камышами. Любила в этих плавнях водиться всякая птица залетная – и красногрудые тяжелые утки-кряквы, и быстрые на полете чирки, и бекасы, дупеля долгоносые; а между озерками и лужами, над травянистыми буграми стаями летали хохлатые чибисы, перезванивались печальными степными голосами.

Заборами называлось село оттого, что там, где холмы обрывом подступали к самому Днепру, у крутого берега торчали гранитные камни, высились серыми глыбами у самих волн Днепра, заваливали его быстрое течение и забором – грядой тянулись до половины реки; бурлила между камнями запруженная ими река, пенилась, кружилась водоворотами и мчалась дальше, вертя по дороге огромные лопасти водяных мельниц, стоявших гуськом от берега до половины Днепра. А на гору от самой воды взбегали друг за дружкой белые украинские хатки, плетеные, мазаные, крытые соломой.

Не по московскому обычаю, не для трескучих зимних холодов строят свои избы украинцы: там на юге России ни морозов, ни снегов больших не бывает; поэтому и строят они свои домики не из бревен, не из кирпича, – этого добра и достать подчас негде, – а из лозы, из тонких, гибких прутьев; берут дубовые столбы, врывают их в тех местах, где придутся углы избы, от столба к столбу прибивают слеги-обаполы, а потом залетают эти слеги лозой. Получается плетеная стенка, которую потом мужики промазывают глиной, смешанной с навозом, а когда просохнет, белят белой глиной. Сверху наводят соломенную крышу – и хата готова. Чисто в ней и тепло и уж так уютно, что век бы, кажется, прожил в таком мужицком дворце.

В этом селе Заборах, в одной из его белых хаток, жил-был парнишка невеликий, по прозванью Макарка Жук. Был он совсем сирота, ни отца не помнил, ни матери. Осталась у него только одна старшая сестра Ганка, да и та вышла замуж за парня дальней деревни Марьевки, и муж увез ее туда с собой. Макар же ехать в, чужую деревню не захотел и остался в Заборах: прижился возле деда-баштанника, который сторожил бахчи и мужицкие огороды. Лето Макар проводил в шалаше, по ночам ходил с ружьем и постреливал для острастки воришкам, охочим до даровых огурцов и арбузов, а зимой перебирался в деревню.

На бахче и пристрастился Макар к ружью да к охоте. Был он молодец-молодцом, – щеки крепкие, налитые, покрытые коричневым загаром от степного солнца и вольного ветра; волосы и брови черные, как смоль, глаза словно угольки. Сорванцом он рос отчаянным, первым коноводом деревенских мальчишек. Никто лучше его не смог бы разобрать зимой по первому снегу заячий след, никто ловчее его не отыскивал в камышах утиные выводки. Горячий был он охотник: бывало, мог прождать и час, и два по горло в воде, поджидая, пока не сплывутся утки в одну кучу, и тогда стрелял по ним крупной дробью из своего одноствольного ружья: штук по пяти убивал сразу, и верный его приятель, рыжий пес Дружок кидался тогда вплавь по болоту и одну за другой выносил убитых уток на берег.

Умел Макар, и читать и писать: недаром ходил зимой в школу. Долгими зимними вечерами, когда из шалаша переселялся Макар с дедом на село, любил он читать книжки про индейцев, про их удалые войны с белолицыми, а больше всего нравились ему рассказы о Следопыте, старом охотнике. Сам он не хуже Следопыта мог разобрать на земле след любого зверя и птицы, умел обхаживать и хитрых дроф, умел и к диким голубям подбираться, и рыжих лис выкуривать из норы. Так себя и прозвал Следопытом и мальчишкам велел себя этак кликать. Но мальчишки книжек не читали и знать не хотели этого прозвища; кликали Макарку Жуком! – за то, что больно черен и коренаст он был! Но, впрочем, за силу и хитрость очень его уважали и всегда выбирали своим вожаком.

Так на охоте и на бахче проводил время Макар, пока не началась революция; сперва мало что изменилось: по-прежнему жили мужики, по-прежнему хозяйничал в соседней усадьбе помещик Балдыбаев. Правда, с осени 1917 года, когда большевики одолели и установили в Москве советскую власть, – стало помещику жить беспокойно.

Однако к лету он оправился: Украину заняли немцы и посадили в Киеве набольшим гетмана. Стал гетман хозяйничать на Украине, а помещики – у себя в имениях. Но хозяйство это кончилось скоро: сначала Петлюра поднял восстание и прогнал немцев и гетмана. Тут-то Макарка Жук и отведал войны в первый раз: никто ловчее его не умел подползти к помещичьим скирдам и чиркнуть в них спичкой или ночью подобраться к самому балдыбаевскому дому и поднять стрельбу, пугая хозяина и его стражников. Всегда на такие дела подсылали Макара, – он-де мал и смекалист и на ноги прыток, – не попадется! А Макарке-головорезу это и любо: воевал с помещиками, словно с индейцами!

Понятно, Балдыбаев страсти такой не вытерпел, скорее в город подался. А к святкам, глядишь, и Красная армия из Москвы подоспела, прогнала петлюровские банды; учредили на Украине советскую власть. Земля отошла мужикам, а в усадьбе исполком поселил деда с Макаром: велел им сторожить постройки и фруктовый сад, урожай с которого хотели осенью делить всей деревней. И вышло, что Макарка стал сторожить общественное добро. Хоть куда оказался сторож: ночью, как кошка, видит, а если поймает воришку – так уж спуску не даст, шалишь!

Усадьба Балдыбаева стояла на самом берегу Днепра. Был в ней каменный дом о восьми комнатах, были амбары и конюшня кирпичная. Сад большой и тенистый тянулся от дома до самой деревни и был от нее отгорожен деревянным забором. Забор этот мужики на дрова растаскали, и сторожить стало совсем не легко. Однако дед с Макаром себя не жалели, отстаивая от порубок фруктовые деревья. И своей должностью Макарка страх как гордился.

Но недолго тянулось такое житье для Макара. Настало лето 1919 года. Опять загремели над степью пушки, засвистели пули, загикали по полям казаки, побежало от них красное войско – пришли на Украину белые. Шли они с далекой Кубани, и вел их генерал Деникин. А за офицерскими полками в золотых погонах, за удалыми и злыми казацкими сотнями опять показались старые хозяева хлебородных земель – помещики.

Приезжали они недельку спустя после того, как приходили войска, приезжали, качали головами, видя разрушенные гнезда свои, разбитые амбары, порубленные сады, – садились, пригорюнившись, на крылечке и, скрывая свое озлобление против мужиков, звали их к себе поговорить-погуторить о делах хозяйских: несмотря на казацкие нагайки, побаивались еще мужиков и всячески старались поладить с ними миром, по-хорошему.

Приуныли тогда и мужики, тоже головами покачивали. Однако делать нечего, плетью обуха не перешибешь; деникинская сила верх взяла, и, стало быть, волей-неволею надо с господами ладить.

Приходили они на барские дворы и заводили с хозяевами долгие-предолгие разговоры, а сами про себя втихомолку думали: «а скоро ли мы вас, любезные, опять в шею прогоним?»

Вот с этого-то времени, когда на Украину пришли деникинцы, и начинаются удивительные приключения Макарки Жука, о которых я расскажу в этой книге.

Стоял золотой, пламенный июльский день. Зноем дышала земля; зноем веяло от светло-желтых полей пшеницы. По синему небу бежали белые барашки, чуть темные снизу. Деревья стояли совсем тихо, не шевеля листьями, будто спали в ленивой жаре.

Дед сидел в саду, возле шалаша под яблонькой, и чинил свой старый-престарый картуз. Возле него, раскинув ноги и хвост, брюхом вверх, нежился на солнышке рыжий Дружок: хорошо было псу греться под знойными лучами, одна только допекала досада: муха-жигалка жалила люто. И время от времени щелкая на них зубами, Дружок недовольно ворчал и умоляюще посматривал на деда: прогони, мол, дедушка, этих злых негодяек! Макар сидел по другую сторону шалаша и чистил свое заржавленное ружьишко: подходила охотничья пора, а в степи в кукурузном поле он заприметил недавно выводок куропаток. Макар собирался завтра с утра отправиться туда и настрелять с полдюжины на обед. Правда, не легко бить куропаток: на земле их никак не заприметишь, приходится стрелять на лету. Подымаются они с земли целой тучей, крыльями засвистят и захлопают так, что инда сердце у охотника оборвется. Однако, если удачно выстрелить, можно сразу две-три штуки убить: летят они густо, друг возле дружки держатся. Надо только не волноваться и не спешить.

Ну да Дружок поможет, он пес умный, хорошо дичь ищет. Как учует выводок, сейчас же весь вытянется, словно струнка, морду повернет туда, где притаилась дичь, хвост напружинит так, что тот даже дрожит, и лапку переднюю подымет: делает стойку. Это значит – взводи, Макарка, курок и будь начеку: сейчас взлетят куропатки.

И впрямь, пройдешь еще шагов пять, – вдруг ф-р-р! – словно буря, срывается с земли выводок, – не выронии ружье с перепугу! Бах! И падает на землю быстрая птица, а Дружок кидается на нее, хватает в зубы и приносит хозяину… Эх, хорошо охотиться!

Вдруг макаркины думы прервал какой-то треск и гудение. Что такое? Мальчик поднял голову. Вот так так! Это что еще за невидаль?

Во двор, блестя на солнце стальными спицами колес и темно-синими полированными стенками, влетел большой автомобиль. Гудя мотором и завывая сиреной, он подкатил к пустому помещичьему дому, стоявшему с разбитыми окнами и выломанными дверями, и сразу остановился.

– Дед, дед! – закричал Макар, – глянь-ка, самокат прикатил!

Дед приставил ладонь к глазам и пристально всмотрелся в автомобиль.

– Батюшки мои, – сказал он. – Да это никак хозяин приехал! Ну, Макарка, пропали наши головушки! Что мы теперь делать будем?

– Какой такой хозяин? – ответил Макар.

– Теперь земля мужицкая, и никаких хозяев тут нету других.

– Молчи ты, дураковая голова! – замахал на него дед руками. – Вот он услышит такие слова, достанется тебе крапивой по тем местам, откуда ноги растут.

– Так я и дался! Страсть какая, подумаешь! – пробурчал Макарка, однако струхнул и спрятался за шалаш. Тем временем из автомобиля грузно вылез толстый, высокий человек с обвисшими усами и седыми сердитыми бровями, в высоких сапогах и парусиновой куртке, с большущей палкой в руках. За ним выпрыгнул совсем молоденький офицер с двумя звездочками на погонах – подпоручик; на его красивом лице едва пробивались усики. Это были помещик Балдыбаев и его сын. Последней из автомобиля выпорхнула девочка лет пятнадцати: в ней Макар узнал Любочку, дочь Балдыбаева, вместе с которой три года назад не раз лавливал рыбу на Днепре.

– Здорово, дед! – закричал Балдыбаев, оглянувшись и завидев издали старика. – Вот и я приехал посмотреть, что у меня тут делается.

– Милости просим, батюшка! Добро пожаловать! – отвечал дед, низко кланяясь.

– Да, – продолжал Балдыбаев, подходя ближе. – Похозяйничали вы здесь, мужички, да и будет. Пора и честь знать. Довольно, побаловались.

– Кормилец! – сказал дед. – Да я тебе твой сад сторожил с этим вот парнишкой. Какое же баловство? Нешто мы тебе обиду какую сделали?

– Там разберем! – буркнул помещик. – А теперь кликни-ка мне мужиков сюда, живо! Хочу погуторить с ними.

Дед опрометью побежал на село. А помещик со своими детьми пошел осматривать сад и двор. Макар следил за ними из-за шалаша во все глаза.

Балдыбаев остановился против разрушенного амбара и начал ругаться, грозя кулаком по направлению к деревне. Его сын офицер сердито помахивал хлыстиком и чуть не со слезами глядел на разрушенные постройки. А Любочка – та совсем расплакалась: она вытирала слезы платком и топала ножкой так, что даже подпрыгивала золотая коса на спине.

– Гадкие, гадкие мужики! – кричала она. – Зачем они разрушили наш дом? Боже мой! Везде бурьян, и все розы погибли.

«Ишь, – подумал Макар, – розы жалеет! А как же мужики – не то что без роз, а и без хлеба живут? Подумаешь, важность – твои розы!»

Он выполз из-за шалаша, цыкнул на Дружка, который издали лаял на автомобиль, подкрался к Любочке и дернул ее за юбку. Девочка оглянулась.

– Здравствуй, Люба, – сказал Макар, улыбаясь. – Ты чего, рыбу ловить приехала?

Любочка нахмурила брови и взвизгнула:

– Отстань! Ты противный большевик и бандит. Ты всегда у нас яблоки воровал, а теперь весь сад захватил.

– Смотри-ка, – ответил Макар, – фу-ты ну-ты, какая барыня стала! А я думал, ты не забыла, как мы с тобой ершей ловили…

– Тогда ты был хороший, а теперь революция… Папа, – закричала она, – что он ко мне пристает! Я его помню… Это самый ужасный разбойник.

– Пошел вон! – зыкнул на Макарку Балдыбаев.

Макару стало очень обидно: он надулся и отошел, показав Любочке язык. Офицер пригрозил ему хлыстом.

Тем временем во двор стали собираться мужики. Вернулся и дед. Мужики были озабочены и хмуры. Подходя, они торопливо снимали шапки и кланялись Балдыбаеву чересчур поспешно и низко, искоса поглядывая на сидевшего в автомобиле солдата с ружьем.

Все это сильно не нравилось Макару. Он уже отвык бояться бар и помещиков. Невесело стало у него на душе при виде робких мужиков, которые шепотом переговаривались между собой, сбившись в кучу около крыльца.

Балдыбаев сел на крылечке, рядом с ним Любочка, а сын стал повыше, играя хлыстиком, а другую руку положил, словно невзначай, на револьвер, висевший у него на поясе. Солдат в автомобиле начал рассматривать свою винтовку как бы от нечего делать.

Макар заметил, что помещики трусят, и еще пуще осерчал: кто же кого здесь боится?

– Ну, мужички, – сказал Балдыбаев, – приехал я с вами поговорить. Слышали, небось, что генерал Деникин землю помещикам возвратил?

– Как не слыхать? Слыхали! – ответили мужики.

– Так вот, значит, и выходит, что вы ее беззаконно захватили, – продолжал помещик. – Я ее засеял, а вы теперь урожай собираете. Значит, вам придется за нее аренду мне платить, если вы не хотите называться бандитами.

– Придется платить! – сказал уныло Федот, рыжий мужик, у которого было девять душ детей.

– Так вот, стало быть, собирайте деньги и приносите их мне в город. Поняли?

– Поняли.

– А за разваленные амбары тоже платить придется. И за испорченный сад – тоже…

– Мы твоего сада не портили! – закричал вдруг Макар. – А амбары твои пушками разворотило, когда намедни здесь бой был! Мы здесь с дедом сторожили, и кабы не мы, так совсем бы ничего не осталось!

– Цыц ты! – зашипел на него дед. – Уйди, Макарка, не до тебя тут!

– Ах, щенок! Какой языкатый! – усмехнулся подпоручик.

– Я-то щенок, а ты – пес мордатый! – сердито ответил Жук. – Откуда тебя принесло?

– Мы к себе домой приехали! – объявила с крыльца Любочка.

– Домой? Жирно больно! – продолжал буянить Макар. – Вишь, трое их тут прикатило, а рты поразевали на тысячу десятин!

– Замолчи, ирод! – крикнул дед, сделав страшные глаза. – Вот еще бандит отыскался!

– Не замолчу! Мужиков – целая деревня, а земли – кот наплакал! Чья должна быть земля в таком разе?

– Взять его! – заревел Балдыбаев, взмахнув палкой.

– Да, возьми-ка! Вон у Акима тринадцать едоков в хате на голодный надел!..

– Цыц!

– Сам цыц, толсторожий! Хватит с тебя и двадцати десятин!

Балдыбаев весь так и побагровел и застучал палкой по крыльцу.

– А, да ты большевик! Выпорю! Взять его! От горшка два вершка, а туда же в чужой карман кулак запускает! Взять его!

Офицер спрыгнул с крыльца и хотел схватить Макара за шиворот. Но тот изловчился, ударил головой подпоручика в живот, потом ужом проскользнул у него между ног и, по дороге запустив в Балдыбаева камнем, кинулся наутек. Камень попал в Любочку, та завизжала, солдат выскочил из автомобиля и побежал за Жуком. Но тот был уже далеко. До него долго доносились крик и брань, и шумные возгласы мужиков. Он бежал, пока солдат, махнув рукой, не отстал от него и не вернулся к Балдыбаеву. Тогда Макар сел на кучу перепревшего навоза за скотным двором и призадумался.

Дело было ясное: оставаться тут ему уже нельзя, барин теперь ему спуску не даст. Надо удирать. Макар стал думать – куда? И вдруг вспомнил о сестре Ганне. Деревня Марьевка лежала верст за 50 от Заборов. Ну что ж! Макарка пройдет их в три дня! Не больно далеко!

Он вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Откуда ни возьмись, с радостным лаем примчался Дружок и начал прыгать вокруг него. Пес думал, что хозяин зовет его на охоту.

– Ну, Дружок, айда в путь-дорогу! – сказал Макар рыжему приятелю. – Не житье нам больше тут. Хозяева прикатили! Идем в Марьевку. Авось, и на нашей улице будет праздник, – тогда мы еще здесь побываем. Понял?

Дружок поставил парусом левое ухо, посмотрел на Макарку внимательно и сделал вид, что понял. Макар затянул пояс потуже, нащупал за пазухой краюху хлеба, которую припрятал туда с утра, и, не оглядываясь, большими шагами пошел по пыльной дороге, убегавшей в степь.

Солнце лило на землю дремный покой. Под июльским горячим ветром широкими волнами зыбились золотые поля пшеницы. Макар весело шагал, напевая песенку, а Дружок рыскал в высоких хлебах, вспугивая оттуда жаворонков и жирных перепелок.

Так прошло часа два, и мальчик уже начал уставать, когда вдруг за его спиной затарахтела телега. Он оглянулся: ехал мужик, вез грабли и косы.

– Откуда, дядька? – спросил Макар мужика.

– Из города, – ответил тот. – А ты?

– Я из Заборов. От пана-помещика убежал.

– А куда идешь?

– В Марьевку.

Мужик свистнул.

– Э, малый, ты не дойдешь: да Марьевки верст сорок с гаком.

– А в гаке сколько?

– Еще полстолька!.. Да ты, я вижу, шутник!

– А то как же!.. Подвезешь?

– Садись, верст двадцать подвезу.

Макар уселся в телегу и похлопал себя рукой по коленке: Дружок сразу смекнул и прыгнул к нему.

– Эге! – заметил мужик. – Да у тебя собака такая же умная, как и ты.

– Мы, дядько, охотники: промаху не дадим!

Мужик помолчал, а потом спросил:

– Как же ты пройдешь в Марьевку? Там ведь красные, а здесь белые: не проберешься через фронт.

– Я-то не проберусь? Посмотрим!

– А чем тебя пан-помещик обидел?

– Выпороть хотел за то, что я за мужиков заступился. Деньги с них требует.

Мужик покрутил головой.

– Да, это, брат, плохо. А в Марьевке у тебя кто?

– Сестра.

– А, это хорошо. Не пропадешь. Ты поживи у меня в Диевке, пока война дальше не уйдет, а тогда и пустишься в Марьевку.

– Спасибо. А что, как думаешь, дядько, – надолго к нам белые?

Мужик подумал, оглянулся по сторонам и таинственно прошептал:

– Нет, не надолго.

– Почему?

– Силы за ними нет: господская власть – не народная. Тот победит, за кого народ стоит.

– А за кого народ?

– А кто его знает! – пожал плечами мужик. – Разве я спрашивал?

– Стало быть, красные победят?

Мужик косо посмотрел на Макара и помолчал.

– Да ты не большевик ли? – спросил он немного погодя. – Если большевик, так слезай с телеги: ну тебя, еще попадешь с тобой в беду.

Макарка захохотал.

– И как же вы все труса празднуете! Вон борода, какая, а баба!

Мужик замолчал и отвернулся. Макар вытащил из-за пазухи хлеб и принялся закусывать. Дружок умильно смотрел ему в рот: пес тоже очень проголодался. Мальчик поделился с ним коркой и долго жевал, глядя в синие дали, подернутые знойным дымком. Вдруг он вздрогнул: откуда-то из-за дальних курганов ветер донес до него тяжелый отрывистый грохот.

– Это что? – спросил он мужика.

– Пушки палят, – отвечал тот. – Вон за теми курганами есть балочка – по эту сторону белые, а по ту сторону красные. От нашей деревни Диевки всего пять верст.

– Как же вы там живете?

– Страшновато. Иной раз приходится в степь уходить, по коноплям прятаться… Вот ты говоришь, – мы труса празднуем. А побывал бы в нашей шкуре, сам сплоховал бы. Дня два назад заходит ко мне в хату такой же хлопчик, как ты. «Доброго здоровья, – говорит, – дайте воды напиться». Дали мы ему молока. Он молочка-то выпил, да и ну к нам подъезжать: «А что, дядько, скоро наши придут?» – «Какие такие наши?» – «Да те, что за народ!» У меня бабушка старая, разумом слабенька, не смекнула, что он за гусь, возьми да и бухни: «Ох, хоть бы уж поскорей! А то и от красных, и от белых – одно разоренье!» Тут хлопчик кулаком ка-ак стукнет, да как крикнет: «Бандиты! Махновцы! Я вас!» Выскочил во двор, заверезжал в свистульку. Мы – в окно, да за сарай, глядь, двое казаков тут как тут, к хлопчику: «Что такое? С какой стати тревога?» А он им: «В этой, – говорит, – хате махновцы живут». Тут уж мы дожидаться не стали, давай бог ноги, – до ночи в огородах прятались. Ночью вернулись в хату, а там все вверх дном стоит, и свиньи из свинарника – поминай, как звали! Вот тут и верь прохожему, когда не знаешь, что за человек с тобой говорит. Каждый каждому волком стал, и никому верить нельзя, – вот дело-то какое, братец!

Макар с любопытством глядел в ту сторону, откуда грохотали пушки: это было для него ново. Правда, через Заборы проходили и красные и белые войска. Но большого боя там не было: только бронированный пароход пустил несколько снарядов и разбил амбар помещику Балдыбаеву. Макар и дед опомниться не успели, как пароход уж проехал дальше. Солдаты же прошли не задерживаясь.

Но там, за синими курганами, дело обстояло иначе: видно, и красные и белые там укрепились, и идут долгие сраженья. Вот будет интересно побывать там и понюхать пороху!



Солнце начинало уже клониться к западу. Далекие курганы становились все виднее и виднее, – а телега ехала прямо к ним. Не доезжая до них верст пяти, мужик свернул с большой дороги, обогнул лесок, и Макар увидел деревню, растянувшуюся вдоль балки. Белые хатки сбегали по откосам к пруду и смотрелись в него своими высокими крышами.

– Вот и наша Диевка, – сказал мужик. – Я тебя завезу к себе: поужинаешь с нами, а то одной краюхой сыт не будешь. И собаке помои найдутся.

– Спасибо! – ответил Макар, жмурясь от радости: перед глазами у него проплыли вкусные вареники в сметане и густой горячий борщ.

Телега въехала во двор и остановилась возле покосившейся хатки. Оттуда выскочила им навстречу молодая баба и кинулась к мужику.

– Данило! – закричала она. – Ой, как же я рада, что ты вернулся! Говорят, белые отступать будут сегодня, в деревне будут стрелять, придется нам в степь уходить.

Данила почесал в затылке и махнул рукой.

– Эх, будь ты проклято! – сказал он. – Погибели на них нет! Хоть бы уж или те, или другие! А то вот уже неделю ни тпру, ни ну, – чуть не каждую ночь в степи ночуем!

– А это кто с тобой? – спросила баба.

– Хлопчик. Макаркой зовут, в Марьевку ему надо.

– Тю, дурак! – сказала баба. – Да разве ты туда попадешь?

– Там видно будет, – перебил ее Данила. – А теперь дай-ка нам поужинать.

Он начал распрягать лошадей, а Макар тем временем перетаскал косы и грабли в сарай. Потом они вдвоем закатили туда же телегу и вошли затем в хату.

Там было очень чисто и уютно: белые стены глядели светло и весело; на них висели картинки и вышитые полотенца; на глиняном полу лежали ковровые дорожки; высокая деревянная кровать, расписанная красными и зелеными цветами, была накрыта двумя рядами подушек, а в углу стояла синяя скрыня – большой деревянный сундук на колесах, где украинцы

хранят белье и платье. На деревянном чисто выструганном столе уже стояла дымящаяся миска с борщом.

Старая старушка-бабушка сидела на печи, пытливо вглядываясь в вошедших. Едва завидев Макара, она закричала и замахала руками:

– Чужой! Чужой! Прогони его, Данило! Он опять солдат приведет, а они нам всю хату разграбят!

– Замолчи, бабка, – ответил Данила. – Это хлопчик хороший, я его знаю.

– Все они хорошие, пока не налопаются, – заворчала старуха. – Тот тоже хороший был…

Но Данила засмеялся и усадил Макара за стол. Молодая баба налила им борщу в глубокую тарелку и дала по куску поляницы – серого пшеничного хлеба из муки простого помола. Макар начал хлебать, обжигаясь: давно не видывал он такого вкусного борща; они с дедом больше картошку варили да черным хлебом перебивались, – немудрено, что теперь он уплетал за обе щеки.

Дружок, оставшийся в сенях, жалобно скулил и просился в комнату.

– Марийка! – сказал Данила жене. – Дай собаке поесть: она умная и хорошая собака и хлопчику нашему еще пригодится.

Марийка плеснула борща в черепок и отнесла его в сени. Но не успели они еще покончить с ужином, как на улице поднялся какой-то крик и шум; кто-то бежал, вопя во весь голос, проскакали какие-то верховые. Дружок яростно залаял в сенях.

Данила сорвался с места и выбежал за дверь. Через минуту он вернулся весь бледный.

– Ну, жинка, – сказал он, – беда пришла! Сейчас в деревне начнется бой, белые отступают. Надо удирать, пока не поздно.

Бабы завыли дикими голосами. Старуха скатилась с печи и кинулась бежать. Молодая торопливо открыла скрыню и, захватив оттуда в охапку все, что могла захватить, выскочила вслед за старухой. Данила уже опять запрягал лошадей в телегу. Пока он возился, бабы два раза успели сбегать в хату и вынести оттуда все, что оставалось еще ценного.

В соседних дворах шла та же суета. Не прошло и пяти минут, как Данилова телега, нагруженная вещами и бабами, выехала со двора. По улице уже неслась целая река подвод, верховых казаков, пушек, отступающих солдат в погонах и с кокардами на фуражках. Попадались раненые офицеры, шедшие понуро, с окровавленными лицами, с руками на перевязи.

Где-то совсем близко затрещали частые ружейные выстрелы. Потом гулко бабахнула пушка за деревней. С резким протяжным воем пронесся над головой снаряд и вспыхнул над курганом белым облачком дыма. По улице все понеслось вскачь и бегом.

Макар не поехал с Данилой. Он решил, что отступление ему очень на руку: надо получше спрятаться и дождаться, когда в деревню войдут красные; тогда путь в Марьевку будет свободен. Однако едва он выскочил на улицу, общий ужас захватил и его: повозки неслись вскачь, бледные мужики и солдаты, сидевшие в них, из всех сил нахлестывали испуганных лошадей, те брыкались, становились на дыбы, топтали кого-то ногами, опрокидывали телеги. Бабы, не успевшие уехать, с визгом метались по улицам, ища своих ребятишек; ребятишки, ревя благим матом, неслись оравой вслед за повозками. Под ногами с визгом толклись свиньи, скакали, задрав хвосты, телята, взлетали с кудахтаньем куры, остервенело лаяли собаки.

Все это, вместе с пушечными выстрелами и воем снарядов, ошеломило Макара. Растерявшись, он забился под первый попавшийся навес и, широко раскрывши глаза, смотрел на несущийся мимо него поток людей и животных. Дружок прижался к нему, жалобно скулил и дрожал всем телом.

Однако это было только начало. Потом стало еще страшнее: улица внезапно опустела, будто вымерла, – одни только куры взволнованно бегали, скликая своих цыплят. Вдруг у околицы деревни часто-часто затараторил пулемет; еще через минуту появилась кучка солдат и

офицеров в погонах: они быстро перебегали от хаты к хате, припадали к земле и стреляли; двое бегом протащили пулемет и остановились с ним под тем же навесом, где притаился Макар.

Пулемет затрещал так неистово, что мальчик от страха шлепнулся на землю. Дружок горестно завыл. Подняв голову, Макар увидел, что офицеры уже далеко; пулемет, потрещав, сорвался с места и покатился за ними. Пули свистели теперь мимо Жука – и с той, и с другой стороны. От околицы уже слышались выстрелы красных.

Вдруг над головой Макара с оглушительным грохотом разорвалась шрапнель, и целый град осколков и пуль посыпался на навес и вокруг него. Тяжелый снаряд упал на хату напротив, раскидав крышу и стены; хата с треском рухнула, и столб черного дыма поднялся оттуда; через минуту груда обломков запылала ярким костром. Еще и еще грянули снаряды и шрапнели. Макар понял, что он попал между двух огней.

В ужасе, едва сознавая, что делает, бросился он бежать через двор. В глаза ему кинулась открытая дверь погреба.

«Под землей не так страшно!» – подумал он и кубарем скатился вниз по лестнице в сырой, непроницаемый мрак. Последнее, что он успел заметить, был огненный сноп, вспыхнувший на том месте, где он только что стоял: снаряд попал в навес и зажег сарай. Макар ввалился в погреб, налетел на бочку с солеными огурцами, опрокинул ее, перекатился через бочку и ткнулся головой прямо в брюхо какому-то человеку, сидевшему в темноте за бочкой.

– А, чтоб тебе треснуть! – сказал с досадой человек слабым старческим голосом. – Откуда ты взялся, сатана этакая?

Дружок с оглушительным лаем кинулся защищать хозяина. В темноте началась отчаянная возня. Макар сам был недалек от мысли, что угодил в лапы сатане: кто-то давил его и мял ему бока, отбиваясь другой рукой от освирепевшего Дружка.

Макар завизжал диким голосом и, схватив валявшуюся на полу тыкву, из всех сил треснул этой тыквой незнакомца по голове. Тот охнул и выпустил Макарку.

Мальчик уцепил Дружка за шиворот и, оттащив его в угол за бочку, притаился там. Он слышал, как незнакомец ворчал, отплевывался и наконец спросил:

– Кто ты такой, что ввалился сюда? Солдат?

– Поди ты к черту! – сердито ответил Макар. – Какой солдат будет прятаться в погреб? Тоже сказал!

– Ишь ты! Ты, видно, не робкого десятка, если так говоришь, – сказал незнакомец, – по голосу слыхать, что ты не больно стар. Дай-ка засвечу спичку.

– А по твоему голосу слышно, что ты старый хрыч, болван и леший, – ответил Макар. – Ты меня чуть не задушил.

– А я испугался. Думал, ты солдат и меня приколешь.

– Будь у меня штык, я бы и приколол этакого дурня!

– Ну-ну, не серчай!

Вспыхнула спичка, и Макар увидел неподалеку от себя сгорбленного седенького старичка с длинной бородой; старичок был одет в долгополую серую свитку, на голове у него была барашковая шапка, а через плечо висело что-то круглое, чего не успел как следует разглядеть Макар за то время, пока горела спичка.

– Э, да ты совсем маленький, – сказал старичок успокоенным голосом.

– А ты совсем старенький! – дерзко ответил Макар. – Вот постой, я тебя сейчас вздую за то, что ты меня душил. Хорошо, что тыква под руку подвернулась.

– Да, брат, тыква твоя увесистая. Вон какая шишка у меня вскочила! Так что мы с тобой квиты.

– А квиты, так и не ворчи, – сказал Макар. Он храбрился, но ему было страшновато. – Ты кто такой будешь?

Старик помолчал минутку, и мальчику показалось, что он хихикнул. Ему стало совсем страшно. Бабьи сказки про домовых и чертей сразу вспомнились бедняге. Да и было от чего струхнуть: наверху продолжала бушевать буря снарядов и пуль; взрывы гранат потрясали землю; в открытую дверь погреба проникали отблески пожара, заменившие сумерки летнего вечера. А здесь, в сырой темноте незнакомого погреба, – какой-то седой старичок, с виду похожий на самого заправского домового, да еще с какой-то диковинной штукой на спине! Мурашки побежали по спине у Макарки, и ему пришлось вспомнить все самые удалые рассказы про индейцев и про храброго Следопыта, чтобы взять себя в руки и побороть свой страх.

– Кто я такой? – переспросил старичок и снова хихикнул. – А ты как думаешь? Думаешь, не черт ли я? Да?

– Ну тебя, дурак! – ответил Макар сердито, но сам еще теснее прижался к Дружку и невольно застучал зубами. – Перестань говорить к ночи такие слова!

– Да неужто ты еще веришь в черта? – удивился старичок.

– Отвяжись ты! – крикнул Макар.

– А как тебя звать? – не унимался тот.

– Зовут зовуткой, а величают уткой! – огрызнулся мальчик.

– А на самом деле?

– Отстань, говорю… Макаркой меня зовут.

– Ага! Так вот, Макарка, я не черт, да чертей и не водится, запомни это хорошенько. А я только бандурист.

Тьфу ты, бандурист! И как только Макар это сам не смекнул! Не раз ему приходилось видать и раньше украинских бандуристов: ходят этакие старички старенькие по большим дорогам, по деревням и селам, поют древние былины и духовные стихи – о гетмане Сагайдачном, о богатом и Лазаре, о Сечи Запорожской, поют и подыгрывают себе на заунывной бандуре: вроде большой мандолины инструмент этот, шесть длинных струн и шесть подструнков, – и красно звенят-говорят эти струны, когда старик-слепец начнет перебирать по ним пальцами.

Совсем не страшно стало Макарке: понятное дело – забился в погреб старик с перепугу, а когда Макарка с Дружком на него обрушились, то и совсем обезголовел от страха! Смешно стало нашему удальцу.

– Как же ты, дедка, сюда попал? – спросил он, смеясь.

– Да вот так и попал: хотел заночевать здесь, – в город я пробираюсь, – а тут пошла стрельба, я и застрял.

– Эх ты! Да ведь я тебя и убить мог тыквой своей. В чем у тебя только душа держится!

– Душа? – странным голосом переспросил в темноте бандурист. – Ну, брат, убить меня не так-то легко!

И опять Макарке стало как-то не по себе: чудной этот бандурист какой-то, особенный. И говорит он как-то по-нездешнему.

– Отчего тебя нелегко убить? – не своим голосом спросил мальчик.

– Стар я стал, жиловат, – засмеялся старичок в темноте, – не ухватишься!.. А впрочем, малый, что нам о таких страстях говорить? Садись-ка поближе, давай огурцами закусывать.

– Ну тебя! Ты чудной! – сказал Макар. – Может ты только прикинулся бандуристом…

– А на самом деле черт? – хохотал старичок. – Э, брось, Макарий. Вот гляди на меня.

И он опять зажег спичку. Макар увидел доброе старческое лицо, пушистую седую бороду, ласковые глаза, лукаво смотревшие на него.

И впрямь страшного нет ничего! Он перебрался к старику и сразу вспомнил, что не докончил свой ужин. Взяв соленый огурец из опрокинутой кадки, он сочно захрустел им и протянул деду остаток своего каравая.

– На, дедушка, закуси.

– Спасибо, милый, – ответил тот. – Рассказывай теперь ты мне, кто ты такой и как сюда попал.

– Я, дедушка, нездешний. В Марьевку пробираюсь.

– И я нездешний. Вот мы с тобой и попутчики.

– Нет, мне надо на красную сторону, а тебе – в город.

– А, на красную! Ну, брат, это тебе погодить придется.

– Почему?

– Да ведь здесь белые.

– А красные их погнали. Надо думать, через час здесь уже красные будут.

– Нет, не будут.

– Ты почем знаешь?

– Да уже знаю. Белые на время отступили, а красным резону нет дальше лезть. Пожди часок, опять красные отступят. Это у них короткая атака.

– Вот ты какой ученый!

– А знаю я это потому, что сам с красной стороны пришел, ихние разговоры слышал.

– Как же ты пробрался?

– Да так потихоньку и прошел: кому нужен старый человек, перехожий?

– И то правда. Зачем ты здесь остался, коли знал, что будет атака?

– Поди ж ты! Не успел выбраться! Ну да скоро мы это дело поправим: слышишь, уже реже стреляют. Обратно пошли большевики.

Мальчик прислушался. Действительно, наверху взрывов уже не стало слыхать, доносилась только трескотня винтовок со стороны красных.

– Ну, пронесло, – радостно вздохнул Макарка.

– А что, брат, страшно?

– То-то и дело, что страшно! Мне ведь это впервой.

– А ты не робей, Макарий-воин: чай, еще повоевать и тебе придется.

– А что ж! Я не прочь!

– Ух ты какой храбрый! А кто давеча кубарем в погреб ввалился?

– Да ежели крякнула бомба! А разве я тебя не огрел?

– Тыквой-то? Огрел, огрел, что уж тут! Одно слово – герой! Ну, давай вылезать.

Старик подполз и потихоньку стал выбираться вверх по крутой лестнице. Макар последовал за ним. Они вышли во двор. Пусто было на улице. Неподалеку догорала хата, освещая все трепетным красным пламенем.

Бандурист и Макарка прошли в ближайшую избу. Старик сел там на лавочке. Макар пошарил на печке и нашел огарок свечи. Бандурист засветил, и они осмотрелись.

Хата была пуста, и все стояло в ней вверх дном, будто Мамай войной прошел. Впрочем, тюфяк на кровати уцелел и манил Макарку своим уютом: после такого беспокойного дня ужасно хотелось спать, ломило и руки, и ноги. Макар невольно зевнул и потянулся.

– Э, брат! – сказал старичок. – Да ты, вижу, совсем раскис. Ложись-ка спать теперь, я за тобой. А завтра чуть свет подымемся – и айда.

– Куда ж пойдем?

– Ты в Марьевку все равно не попадешь. А мне, старику, надобно поскорее в город, к родичу. Мы бы тебя вот как поблагодарили, если бы ты меня проводил, чтобы мне по незнакомым дорогам не мыкаться.

– В город? – удивился Макар, – а что дашь за это?

– Кошку драную да щенка куцого, – отшутился старик. – Ты, Макарий-воин, не загадывай и за хабарой не гоняйся. Сделаешь для старого человека доброе дело, так он тебя не забудет.

Макарка глядел на ласкового старичка и ему казалось смешным, как это он его раньше принял за черта. И впрямь никаких чертей не бывает! Все это бабьи россказни! Хороший старик, надо ему помочь. Ладно!

– А ты мне на бандуре сыграешь за это? – спросил мальчик.

Старик засмеялся.

– Милый! Понятно, сыграю! Дай только нам на вольное место выбраться.

– Стало быть, чуть свет идем в город!

– Вот и спасибо, голубчик. А теперь – спать!

Макарка засыпал и видел во сне бой: валились большие бомбы величиной с дом, зажигали землю и небо. Потом из бомбы выскочила Любочка, завизжала, погрозила пальчиком и сказала:

– Ты самый ужасный разбойник, Макарка!

Макарка вспомнил, что попал в нее камнем, и ему стало жаль Любочку – все-таки вместе рыбу лавливали.

– Эх ты, девчонка! – сказал он, – я в твоего пузатого папашку камнем запустил, а не в тебя, ты в другой раз не подвертывайся.

Любочка широко разинула рот. Макарка прыгнул туда и потом в темноте уже больше ничего не видел: он спал как убитый.

Однако чуть свет проснуться Макару не удалось: очень уж он намаялся накануне и потому спал, не продирая глаз, до той поры, пока солнце не поднялось высоко над степями.

Старик его не будил: не хотелось ему, видно, уходить из деревни, пока там не успокоится. А возня продолжалась долго: уже и Макарка проснулся, а по улице все еще взад и вперед носились казаки, громыхали двуколки и проходили пешие офицерские части. Только часам к девяти утра белые укрепились как следует, и на улице стали появляться робкие и озабоченные мужики, которые возвращались к своим полуразрушенным домам. Позавтракав хлебом и солеными огурцами, найденными в погребе, бандурист и Макар двинулись в путь. При свете мальчик лучше рассмотрел своего друга и ничего ни чудного ни страшного в нем не нашел: самый обыкновенный старик, каких на Украине сотни; и ходит сгорбившись, и голос слабый, дряхлый. Одна только борода замечательная: длинная, чуть не до пояса, и такая шелковистая, что невольно хочется ее рукой потеребить.

Вышли они за околицу деревни и пошли проселками. Здесь Макар очень хорошо знал все дороги, не раз хаживал сюда с неразлучным Дружком на охоту и зимой, и летом. Солнце сильно пекло, далеко на краю неба громоздились свинцовые тучи; духота была страшная, надвигалась гроза. Они прошли уже версты две, когда случилось происшествие, от которого все ночные страхи вернулись к Макарке. Да и было отчего!

Мальчик шел впереди старика, следя глазами за Дружком: тот бегал по полям гречихи, пригнув морду к земле, вынюхивая дичь. Вдруг Дружок остановился, замер; хвост его вытянулся, как перо, ухо встало парусом – сделал стойку замечательный пес. Макар вскрикнул от восторга и обернулся к бандуристу, чтоб показать ему на собаку, – обернулся, да так и застыл, раскрыв рот от удивления и испуга. Даже волосы сами собой зашевелились на голове у бедняги.

– Черт, черт! – взвизгнул Макар и кинулся со всех ног бежать от старика.

Тот с удивлением глядел ему вслед.

– Чего ты? Аль очумел? – крикнул он, когда мальчик был уже далеко.

Макар остановился посреди картофельного поля и не сводил с лица бандуриста широко раскрытых глаз.

– Борода! Борода лезет! – только и смог он произнести.

Старик испуганно охнул и схватился за бороду. Да, борода у него и впрямь вылезла: она держалась теперь только на левой щеке, а вся правая была голая, словно выбритая. Когда же

бандурист дернул себя за бороду, она осталась у него в кулаке, и на Макара глянуло совсем молодое красногубое лицо.

– Черт, черт! – повторял Макар, готовый удирать дальше в степь.

– Ну, счастье наше, что борода моя отвалилась здесь в поле, – молодым и сильным голосом сказал бандурист. – Не бойся, дурачок, вернись, я вовсе не черт, хоть борода у меня и приклеенная.

– Приклеенная? – переспросил, подходя, Макар. – Как у чучелы? Батюшки!

– Ну да, как у чучелы, – захохотал бандурист, снял шапку и вдруг, дернув себя за волосы, отодрал и их от головы, и остался весь стриженный-бритый, и с виду – парень лет двадцати. – Видишь теперь, что я за чучело?

– Кто ж ты такой? – едва веря своим глазам, спросил Макар.

– Ну что ж, брат, видно придется мне сознаваться, кто я такой. Только помни, друг, если проболтаешься, – тебе первая пуля из этого вот револьвера.

Бандурист встряхнул бандуру, и из нее выпал маленький револьвер. Все больше и больше дивился Макар и уж совсем не знал, что и думать. Одно только ему было совершенно ясно: новый его знакомец никак не мог быть чертом, потому что чертям револьверы не нужны. Ну, а если не черт, так уж и совсем не страшно!

Макар подошел ближе и во все глаза стал разглядывать парня: теперь он ясно увидел, что морщины на его лице были нарисованы. Тот хохотал во все горло, видя удивление мальчика.

– Что, брат Макарий-воин, удивил я тебя? Никогда ты еще таких чудес не видал?

– Но кто ж ты такой?

– Я? Ну, садись, я тебе расскажу. А тем временем опять бороду свою прилажу. А то, гляди, встретится нам какой-нибудь белый – тогда поминай как звали и тебя, и меня.

Он напялил на голову волосы и принялся расправлять бороду, сев на краю дороги.

– Вишь, проклятая жара, вспотел я очень, вот клей и распустился: тоже и клей дрянной, – говорил бандурист, намазывая себе щеки клеем из какой-то бутылочки. – Что ж, Макарка, аль сам не догадался еще? Я ведь большевик.

– Большевик? – переспросил Макар. – Я видел большевиков, да только у них борода своя, не чужая. А чаще они и совсем без бороды.

– Да, без бороды, когда надо. А мне, вишь, надо было перебраться через фронт. Разве в своем виде мог я это сделать? Меня бы сейчас поймали белые: кто ты, да куда идешь? А к старому калеке кто придерется? Вот я и решил в таком виде пропутешествовать. Как отойдем верст на пять от фронта, сниму эту канитель и стану опять молодым человеком.

Он, смеясь, приклеивал бороду посматривал на Макара лукавыми глазами. Наш удалец совсем развеселился. Вот это славно! Это не хуже, чем в рассказах про индейцев: там тоже приходилось этак надувать врагов.

– Дяденька! – сказал Макар. – Ей-богу, я тоже большевик: меня помещик выпороть грозился! Пойдем, я тебе помогать буду.

– Ну, этого мало, что тебя выпороть хотели, – ответил, улыбаясь, тот. – Много, брат, каши надо съесть, чтобы стать большевиком. А впрочем, ты парень хороший и меня не выдашь.

– Что ты, что ты! – закричал Макар. – Да пусть меня белые застрелят, чем тебя выдать!

А куда ты идешь?

– Иду я в город к своим… Хочешь, чтобы красные победили, так помогай мне.

– Понятно, хочу.

– А знаешь ты, за что борется Красная армия?

– За то, чтобы Балдыбаева из Заборов прогнать.

– Какого такого Балдыбаева?

– А помещика нашего.

– Ну, брат, этого мало. Не на одном Балдыбаеве свет клином сошелся. Есть дела и поважнее. Перво-наперво Красная армия борется за советскую власть. Знаешь ты, что такое советская власть?

– Знаю. Это когда рабочие и крестьяне заместо губернатора правят. У нас в деревне тоже совет был.

– Ну вот. Красная армия борется за то, чтобы земля принадлежала трудящимся: мужикам и рабочему народу, стало быть.

– Ага! Так я и говорил Балдыбаеву!

– Ну и что же? Не понравилось ему это?

– Ни-ни. Такой крик поднял, что чуть жив я убег.

– А еще боремся мы за то, чтоб не было богатых и бедных, а все люди одинаково работали и трудились, а капиталов не наживали. Нехорошо, когда один ничего не делает, а другой из кожи лезет: первому жареные куропатки сами в рот летят, а другой весь век за свою работу ничего, кроме сухой корки, не видит.

– Да ведь я и сам этак думал!

Бандурист засмеялся.

– Вот и вышло, что ты большевик!

– Я ж тебе это и говорил.

– Ну, брат, до большевика тебе еще далеко, больно мал ты еще, молоко на губах не обсохло.

– Как далеко? Да ты меня возьми в разведчики: я такой следопыт, что где хочешь проберусь, все разнюхаю – где сколько войска стоит, или пушек, или еще чего надо, – все разузнаю.

– В разведчики? А ведь это ты дело сказал, – задумчиво произнес бандурист. Он уже приклеил бороду и шел теперь согнувшись, старенький и дряхлый.

– Понятно, дело! – солидно возразил Макар. – Я пустого никогда не болтаю. Мы с Дружком в Красной армии вот как пригодимся!

Бандурист похлопал его по плечу.

– А не боишься?

– Я-то?

– Ты-то.

– Ты вот поговори у меня, так я тебе опять тыквой так засвечу, что еще шишек двадцать пять вскочит на макушке! – сердито сказал Макар. Ему уж было стыдно за свой ночной страх в погребе.

– А от бомбы кто давеча в погреб прятался?

– Ты!

Бандурист весело захохотал.

– Ай да малый! За словом в карман не полезет! Твоя правда, я тоже в погребе прятался. Да ведь мне надо было не драться, а пробраться в город.

– И мне надо было не драться, а пройти в Марьевку. А надо будет драться, так вот увидишь, струшу ли.

– Молодчина ты! – закричал бандурист и хлопнул его по спине.

Вдруг за поворотом показалось несколько человек солдат, сидевших в кружок за курганом. Один из них играл на гармонике, двое плясало.

– Тш! – сказал бандурист. – Теперь тихо. Видишь, вон позади солдат стоят пушки; это, брат, белая батарея. Нам надо поскорее пройти мимо, не стряслось бы какой беды! Если опознают меня, что я не старик, – на месте расстреляют, да и тебя вместе со мной!

Макар вздрогнул. В первый раз он попал в серьезное и опасное дело. Ну, кривая, вывози!

Они потихоньку шли мимо солдат. Макар ступал бережно, неся на плече руку бандуриста, который ковылял за ним, как слепой за поводырем. Дружок, высунув язык на аршин, бежал

впереди. Солнце светило ослепительно. И Макар боялся, как бы от жары опять не отстала борода его спутника.

Солдаты заметили их и повернули к ним головы.

– Эй! – закричал один. – Кто там шляется? Не видишь – здесь батарея.

– Не вижу, служивый, не вижу! – ответил старческим голосом бандурист. – Я плохо видеть стал, глаза, вишь ты, ослабли.

– Носит вас тут нелегкая! Откуда ты?

– Из Диевки, батюшка, из Диевки! Да ты не серчай, мы сейчас пройдем своей дорогой.

– А ведь это песенник, – заметил другой солдат. – Иди к нам, старик, споешь нам что-нибудь, а мы тебя чаркой самогона попотчуем.

– Да ты рехнулся! – перебил третий. – Разве можно чужого человека на батарею пускать?

– Он старик, все равно ничего не видит.

– Знаем мы этих стариков! Все они мошенники, шпионят тут.

Бандурист крепко сжал плечо Макара и заметил:

– Иди, скорей, Макар, иди!

Однако солдаты не унимались. Один встал и подошел к ним. Рожа у него была веселая, блестела на солнце, как самовар. Изо рта так и несло самогоном: видно, на радостях, по случаю победы, они выпили и были теперь в веселом расположении духа.

– Старик, – сказал солдат, – иди к нам, споешь нам песенку, выпьешь. Нам гармонь надоела.

– Не проси, служивый, не вводи в грех. Офицер увидит – достанется и тебе, и нам.

– Офицер поехал на деревню, только через час назад будет. Покамест я командую батареей. До завтра, надо думать, бой не начнется. Идем!

Он ухватил большевика за руку и потащил к другим солдатам. Один из них ворчал:

– И чего ты, Иванов, выдумал? Достанется нам на орехи!

– Пустяки! Пой, старик, не робей.

Он усадил бандуриста, солдаты сгрудились подле. Макар с отчаяньем озирался: вот так попались! Ведь, если теперь солдаты догадаются, что у бандуриста фальшивая борода, – так живым не уйти… Как быть?

Он заметил, что неподалеку, за кустом терновника была устроена коновязь, а там стояли лошади. В случае чего – бежать к ним, вскочить верхом и удирать. Да, но как это сделать? Солдат – десять человек, у всех винтовки. Возле лошадей тоже спят люди, под пушками тоже. Ой, не уйти, если попадешься! Да умеет ли еще большевик петь песни? Что, если не умеет? Тогда обман раскроется сразу.

Макар стал усиленно соображать. Надо вывертываться из беды. Так сидеть, сложа руки, делу не поможешь!

Бандурист начал потихоньку настраивать свою бандуру. Солдаты шутили и смеялись вокруг. Макар, видя, что на него внимания не обращают, отошел поближе к пушкам и начал их разглядывать.

Пушки были небольшие, трехдюймовые. Стояли они за курганом, четыре в ряд, дулами глядели куда-то в небо. Солдат, лежавший на брюхе возле одной из них, лениво повернул голову к мальчику: – Чего ты?

– Я посмотреть, дяденька. Отроду этакой страсти не видывал.

– Брысь, пошел вон!

– Дяденька, а как она стреляет? – спросил Макар вкрадчиво.

– А тебе что?

– Интересно.

– То-то интересно. Много будешь знать, скоро состаришься.

– Дяденька, покажи.

Солдат внимательно посмотрел на него. Рожа Макара, по-видимому, понравилась ему. Он усмехнулся и перевернулся на спину.

– Носит вас здесь! Вот подстрелят, тогда узнаете, как шляться по фронту.

– Мы, дяденька, издалека идем, не знали, что здесь воюют.

Тем временем бандурист запел. Пел он тихо, слабым старческим голосом. Макар обрадовался. Вот молодец! Умеет петь! Ну, значит, удастся выйти сухим из воды!

Но на всякий случай он продолжал приставать к солдату.

– Так как же стрельнуть из нее? Покажь, дяденька!

– Да ты что? И вправду стрелять думаешь? – удивленно спросил солдат.

– Ну вот, что ты! Спаси бог от такой страсти! А просто так, любопытно!

Солдат лениво поднял руку и указал на небольшой рычажок на заднем конце пушки.

– Вот за эту штуку дернешь, она и выпалит.

– Ишь ты, – удивился Макар. – Вот немудреное дело!

Он походил вокруг пушки, покачивая головой. Бандурист продолжал петь. Солдаты молча слушали. Макар начал уж успокаиваться и направился было к бандуристу, как вдруг его так и кинуло в жар.

Случилась беда: пел бандурист, пел жалобным стариковским голосом и вдруг сорвался. Пылинка ли ему в рот залетела, или не совладал со своим горлом, – но только он вдруг поперхнулся, загудел, как труба, молодым звонким басом, а потом раскашлялся; на один только миг прозвучал этот бас, но солдатам было довольно и этого мига. Они вздрогнули и все так и вонзились глазами в лицо старику.

– Эге, – сказал старший. – Да ты, старик, видно голосист.

– Да, голосок и молодому под стать! – подхватил другой.

Третий ударил бандуриста по шее и рявкнул.

– А ну, собачий сын, пой как следует! Ты нам голову не морочь.

– Да это не старик, братцы! – закричал старшой. – Смотри, кожа на щеках какая крепкая! Это шпион!

– А ну, поймай его за бороду! – сказал кто-то, и старший дернул старика за бороду. Борода осталась у него в руках. Бандурист кинулся на него, выхватив из бандуры револьвер. Все вскочили. В общей свалке замелькали кулаки, и все слилось в один ревущий клубок. Дружок, рыча, бросился на солдат и вцепился одному из них в ногу. Крик, ругань, тумаки, лай – все смешалось в один протяжный вой.

Вдруг страшный пушечный выстрел потряс воздух. Это Макар дернул спуск. Солдаты кинулись к пушкам, на минуту забыв про бандуриста.

– Где, где неприятель? – кричали они, хватаясь за затворы пушек и за зарядные ящики.

– Кто стрелял?!

Но тот, кто стрелял, был уже далеко; он во всю прыть лупил к терновнику, за которым стояли лошади. Бандурист, бросив бандуру и потеряв свою бороду, бежал за ним. Навстречу им выскочили двое солдат. Бандурист выстрелил из револьвера, один солдат закричал и кинулся бежать, раненый. Другой шарахнулся в сторону. Макар добежал до лошадей. Одним взмахом вскочил в седло и оглянулся. Бандурист уже сидел на другой лошади. Солдаты со всех ног неслись к ним. Гикнув, они пустили своих коней во весь дух. Дружок мчался за ними что было мочи. Взглянув через плечо назад, Макар увидел, как солдаты вскакивали на лошадей и мчались за ними.

Началась бешеная погоня. Сзади хлопали выстрелы, пули свистели вокруг. Но беглецы выгадали сажен сто и неслись, не убавляя ходу. Двое из преследователей отстали.

– Погоняй, погоняй, Макарка! – кричал бандурист, оглядываясь. – Им нельзя далеко уезжать от батареи. Мы спасемся!

Макар хлопал каблуками под брюхо лошади, отчего она пускалась вперед еще шибче. Так проскакали они верст десять, не переводя духу. Впереди уже показались плавни, тянувшиеся до самых родных макаровых Заборов. Он радовался, видя, что двое из преследовавших их солдат отстают.

Вдруг, откуда ни возьмись, наперерез им выскочил казачий разъезд. Казаки издали заприметили погоню и неслись с гиканьем, совсем припав к шеям своих лошадок. Они на скаку стреляли, но их пули не могли причинить беглецам вреда за дальностью расстояния.

– В плавни! В плавни! – отчаянно крикнул Макарка и повернул свою лошадь вправо. Бандурист хотел сделать то же, но его конь споткнулся, и он полетел через голову и шлепнулся наземь. Макар успел подскочить к нему и затянул повод; лошадь остановилась, но бандурист лежал на земле, как мертвый.

Мальчик соскочил на землю. Казаки были уже недалеко. В отчаянии он начал тормошить бандуриста. Тот застонал, встал, шатаясь, на ноги. Макар, подсадив его на лошадь, сам вскочил сзади, и снова началась безумная скачка. Но бандурист, видно, расшибся сильно: он совсем лежал на шее у лошади и тяжело бился всем телом при каждом скачке. Лошади было трудно скакать, и казаки явно их настигали.

Но вот и плавни! Густые камыши неслись им навстречу. Еще, еще несколько минут! Макарка весь так и впился в расслабленное тело своего товарища, не давая ему свалиться, сам вцепившись ногами в круп лошади. Пули свистели мимо ушей. Лошадь задыхалась.

Макар направил ее прямо в камыши. Ворвавшись туда, она сразу завязла. Оба грузно шлепнулись на мягкую влажную землю и быстро-быстро поползли в камыши.

По счастью, вода оказалась совсем близко. Макар быстро сломил две камышинки, сунул одну в рот своему злосчастному приятелю, другую взял в зубы сам. Оба пошли в воду и нырнули, держа во рту камыши, высунув кончики над водой.

Эту хитрость Макар знал давно: не раз, подстерегая уток, он проводил так в воде целые часы, положив ружье на пенек над водой. Найти беглецов не представлялось ни малейшей возможности. Макар боялся только одного: как бы их не выдал Дружок. Но бедный пес, по-видимому, так далеко отстал, что даже сбился со следа. Сидя под водой, Макар смутно слышал крики преследователей; те отыскали завязшую лошадь, но не могли найти беглецов в необозримом море камыша. Не меньше часа шарили они вокруг да около, пока, наконец, не разразилась гроза с проливным дождем. Тогда, потеряв надежду найти Макара и бандуриста, казаки вышли из камышей. Голоса их замолкли. Переждав еще с четверть часа, Макар высунул из воды полголовы: дождь лил, как из ведра. Пустыня была кругом, только гудели под ветром камыши. Тогда он дернул за рукав своего товарища, который немножко отлежался в воде, оба выползли на берег и, сидя в камыше, стали думать, что предпринять им дальше.

Еле отдышался измученный бандурист.

– Ну, спасибо тебе, Макар! Выручил! Я этой услуги ввек не забуду. Как это ты меня не бросил, когда я свалился с лошади? Ведь казаки могли нас поймать.

– Разве можно бросать друга в беде? – важно ответил Макар. – Индейцы так не делают. А я ведь Следопыт – Орлиный Глаз.

– Хороший ты парень, как я погляжу. Ну, вот что, Орлиный Глаз. Как мы теперь отсюда выберемся? Я ничего не понимаю: где мы и куда нам идти.

– Я зато очень хорошо понимаю. Мы с Дружком не раз здесь за утками лазили. Вот только дождь проклятый – до костей мы промокли. Ну, да я привычный!

Оба помолчали. Макар о чем-то долго размышлял, потом спросил:

– Дяденька, а дяденька! А как тебя звать? Ведь я этого не знаю до сей поры.

– Зови меня Мартыном, с тебя хватит.

– Ладно, Мартын так Мартын! Вот что, Мартын, пойдем камышами в Заборы. Там у меня есть свои ребята, они нам помогут.

– А далеко идти?

– Верст пятнадцать. К вечеру будем. Оно хорошо, что дождь идет – никого не встретим. Эх, жалко вот, что Дружок пропал! Уж не убили ли его казаки?

– Ну, авось! Пойдем!

Они начали пробираться густыми зарослями. Дождь лил в три ручья. Оба озябли, зуб на зуб у них не попадал.

Прошло около часа. Вдруг порыв ветра донес до них жалобный вой. Макар прислушался и радостно подпрыгнул:

– Слышишь, а ведь это воет Дружок! Пойдем на голос.

– Как же идти? А если его казаки поймали? Тогда они и нас подцепят.

Макар укоризненно посмотрел на Мартына.

– Эх ты, Мартын с балалайкой! Я ведь тебе говорил, что индейцы в беде друзей не бросают. Если Дружок попался, надо его выручать.

Мартын усмехнулся.

– Ну, ладно, что с тобой делать! Идем.

Они повернули в ту сторону, откуда доносился лай.

Макар спешил, лицо его было до крайности озабочено.

– Чудное дело! – сказал он. – Воет, словно на цепи! Что бы это значило?

Камыши скоро кончились. Они вышли на пригорок и увидали шалаш, стоявший на самом берегу Днепра. Возле шалаша на привязи сидел Дружок и жалобно выл. Никого больше по близости не было.

– Э! – воскликнул мальчик. – Да ведь здесь живет Федька-рыбак! Так это он Дружка привязал! Ну, бояться нечего.

Он смело подошел к шалашу и заглянул внутрь. Там кто-то спал, накрывшись рядном.

– Федька! – крикнул Макар.

Из-под рядна высунулась чья-то курчавая голова и сонно поглядела на подошедших. Потом лежавший зевнул, потянулся и сказал:

– Ага, Макарка, пришел! Я так и подумал, что ты близко, когда Дружка увидал. Уж очень он скулил, – надоел мне! Я понял, что он от тебя отбился, и привязал его.

Дружок, увидав Макара, начал так рваться на своей привязи, что чуть не повалил весь шалаш. Мальчик отвязал его, и пес кинулся к нему на грудь, радостно визжа.

– А это что за человек? – спросил Федор, указывая на Мартына.

– Это человек прохожий, его надобно в город доставить. Тут, брат, дело тайное.

Федор задумчиво пожевал губами и сделал серьезное лицо.

– Тайное? А что такое?

Жук присел к нему в шалаш и зашептал, кивая головой на Мартына, глядевшего на них с тихой усмешкой.

– Это, брат, человек важный: из Красной армии. Надо его выручить: если его казаки поймают – живым ему не остаться!

– Вот что! – протянул Федор.

– Первым делом его надо переодеть.

– Понятно!

– А вторым делом – достать лошадей и увезти в город.

Федор подумал с минуту и покачал головой.

– Эх, досада! Прийти бы вам часом раньше: папанька мой нынче в город поехал. Ну да постой: если мы сейчас пойдем в Заборы, так мы его там еще захватим. Ему надо еще лошадь подковать. Только он красного не повезет – побоится.

– А мы его попросим!

– Пустое дело! Тут надо что-то придумать.

– Дорогой придумаем. Идем! – сказал Макар решительно и поднялся на ноги.

Мартын вопросительно взглянул на него: – Ну что, Орлиный Глаз? Есть что-нибудь новенькое?

– А вот увидишь! Теперь айда в Заборы!

Все трое поспешно зашагали по мокрым тропинкам. Дождь уже перестал. Из-за разорванных туч выглянуло солнце, стоявшее еще высоко.

Идти им предстояло часа три, причем они выбирали самые глухие и самые короткие тропки, а кое-где лезли прямо сквозь заросли и камыши. Дорогой Федор расспрашивал Макара об его приключениях, и тот ему охотно рассказал обо всем.

– А далеко отсюда фронт? – спросил Федор, когда они подходили к Заборам.

– Верст тридцать. А что?

– Вчера под вечер самокат тут проезжал. Машина у него сломалась, так Балдыбаев страсть как трусил, боялся, что в город не поспеет. Говорили, будто белые отступают. Дочка так ревмя и ревела. А он ей: «Говорил я тебе – сиди в городе, так нет – захотелось в имение прокатиться! Теперь уж терпи, коли такая храбрая!»

– Что ж, починили машину?

– Нет, пешком в Заборы вернулись, у попа ночевали. А за самокатом лошадей прислали, оттянули его обратно.

– У попа? – переспросил Макар и широко раскрыл глаза: ему в голову пришла блестящая мысль:

– Ну, Федька, вот что: дело в шляпе! Ты иди к своему тятьке, скажи ему, что повстречал батюшку из дальней деревни: в город, мол, поп пробирается и просит его подвезти, он заплатит. А я тем временем все соображу.

– Поп из дальней деревни? – разинул рот Федор.

– Ну да ты голову не ломай, там увидишь.

Мартын, слышавший этот разговор, сразу смекнул, что затеял Макар, и засмеялся:

– Я вижу, ты уже придумал кое-что?

– Я да не придумаю! Не на таковского напал!

– Посмотрим! Посмотрим!

Они подошли к первым хатам Заборов, когда солнце уже начало клониться к закату. Федор побежал в кузницу, где его отец должен был ковать лошадь, а Макар, посадив Мартына в коноплю и велев ему ждать, побежал во всю прыть к поповскому двору.

Первое, что он там увидел, был синий автомобиль Балдыбаева. Солдат и подпоручик лежали под ним на спине и ковырялись в машине. Рядом стоял долговязый Игнашка, попов работник, пяля глаза на самокат. Он-то и был нужен Макару.

– Игнашка! – крикнул Жук, сам прячась за плетнем.

Тот оглянулся, увидел рожу приятеля, торчавшую из-за плетня, и не спеша подошел к нему.

– Ты откуда, Макарка?

– Слушай, друг. С тобой говорит сейчас не Макарка Жук, а Следопыт Орлиный Глаз. Понял?

Игнат понял: это значило, что речь пойдет о совсем необыкновенном деле, о чем-то важном и головоломном. Он кивнул головой и разинул рот от усердия.

– Ты должен мне достать старую поповскую рясу. Надо человека переодеть. Да и для меня одежонку сообрази, чтобы меня не узнать было.

– А что?

– Потом расскажу, теперь некогда. Тащи скорее.

– Ладно!

Игнашка побежал к дому, а Макар глубже влез в бурьян под плетнем. Прошло минут пять. Игнат не появлялся. Наш Следопыт уже начал терять терпенье и сердиться, когда вдруг над его головой раздался тихий свист, а в траву упал какой-то узел. Макар вскочил на ноги.

За плетнем стоял Игнат и улыбался во весь рот, сверкая белыми конскими зубами.

– Достал, – шепнул он, – сам Балдыбаев не узнает тебя в такой одеже!

Жуку некогда было объясняться с ним. Схватив узелок, он со всех ног побежал к околице, где в коноплях оставил Мартына. Разыскав его там, он с торжеством показал ему узелок, оба торопливо развернули его и нашли поповскую рясу, юбку, кофту и платочек.

Мартын сбросил с себя свитку и поверх рубашки и шаровар напялил рясу. Поп вышел хоть куда; плоховата была барашковая шапка, но что делать. Пришлось мириться на ней. Хуже обстояло дело с бородой: безбородые попы на редкость. К счастью Мартына, в кармане нашелся клок волос от прежней бороды. Когда он приклеил этот клок к подбородку, – получилась реденькая козлиная бородка. Но дело шло к ночи, а ночью все кошки серы.

Макар же сверх штанов надел юбку, влез в бабью кофту и повязался платочком: девчонкой он оказался замечательной, даже солдат с белой батареи не признал бы в ней давешнего удальца, стрельнувшего из пушки. Переодевшись таким образом, оба направились к середине села, где стояла кузница.

Навстречу показался казачий разъезд. У Макара ёкнуло сердце: уж не те ли это самые казаки, которые сегодня гнались за ними? Поравнявшись с ними, казаки остановились. У мальчика даже коленки задрожали.

– Добрый вечер, батюшка! – сказал сотник, приложившись к козырьку. – Вам по дороге не попадался малый в свитке и барашковой шапке, похожей на вашу? С ним и мальчишка, ростом с вашу девочку.

– Нет, господа казаки, не видали такого, – отвечал поп Мартын. – Мы со своей дочкой дождь пережидали вон там под стогами и только недавно вылезли из сена. Может, кто и проходил мимо, да мы не заметили.

– Очень жаль, – ответил сотник. – Мы ищем красного шпиона: далеко он уйти не мог, где-нибудь здесь в деревне спрятался. Честь имею кланяться.

Когда казаки отъехали, Макарка обернулся и сделал им длинный нос. Мартын сердито схватил его за руку.

– Не озорничай! – крикнул он. – Недаром они заговорили с нами; у них на нас подозрение: шапка проклятая выдала! Боюсь я, что с ними мы еще увидимся.

Они подошли к кузнице. Там стояла запряженная подвода, на ней сидел мужик и нетерпеливо поглядывал по сторонам.

– А, вот и батюшка! – воскликнул Федор, стоявший в дверях кузницы. – Как вы долго, тятька чуть не уехал без вас.

– Садитесь, батюшка, – сказал мужик на подводе. – Приходится спешить, до города сорок верст, а мне надо быть к рассвету. Дорога тяжелая. Ночью будем часа два отдыхать.

Мартын с Макаром уселись сзади мужика. Дружок, крайне удивленный костюмом своего хозяина, прыгнул за ними в телегу. Мужик стегнул лошадь, и они тронулись в путь.

Дорога в город шла сперва через село, потом взбегала на гору и тянулась степью. Все трое долго ехали молча. Вечерело. Солнце стало большим красным шаром и быстро садилось за сизые тучи, похожие на бегущие по небу армии краснокожих индейцев с развевающимися перьями на головах; целое сраженье шло наверху, в пурпурном зареве заката.

Макар невольно замечтался, задрав голову: хорошо бы сейчас туда, в это красное пламя! Вероятно, там летают стрелы индейцев, сверкают топоры-томагавки, идет жаркая битва. Он дернул Мартына за рукав.

– Видишь? – спросил он. – Эвона какая драка на небе!

– Не жарче, чем на земле, – усмехнулся Мартын. – А скажи, дядько, – обратился он к вознице, – ты ведь рыбак?

– Рыбак, – отвечал мужик.

– Много у вас тут берегом войска проходило?

– О, сила! Два парохода по Днепру каталось, что было пальбы! Казаков сотни две прошло, да офицеров три полка.

Мартын подмигнул Макарке и шепнул:

– Учись собирать сведенья в тылу у неприятеля.

– А пушек много? – продолжал он расспрашивать рыбака.

– Две батареи проехало, все в английских шинелях офицеры… А то еще корабль посуху шел – беда!

– Какой корабль?

– Железный. Гудит, тарахтит, ползет, словно жаба на брюхе, а в брюхе солдаты понапиханы. Плетень на дороге – свалит и плетень, канава – через канаву прет. Смотреть и то страшно.

– Так это танк! Ну что ж, дядько, стало быть, возьмем Москву?

– Как не взять? Возьмем: на то и генералы! – отвечал мужик, но поглядел косо и сразу замолчал.

Мартын опять лукаво подмигнул Жуку:

– Ишь, не нравятся ему танки: из наших он, стало быть, – шепнул он. – Все же надо помалкивать: ведь мы теперь поповского племени!

Солнце уже закатилось, ночь быстро спускалась на землю. Они ехали лесом, тянувшимся по берегу Днепра.

Вдруг за их спиной раздался топот скачущих лошадей. Макар оглянулся и в сумерках увидел, что их догоняют два казака из тех, которые повстречались с ним в Заборах.

Он испуганно схватил Мартына за руку.

– Смотри, смотри – казаки!

Тот взглянул назад и выругался сквозь зубы.

– Так я и знал! Так и знал! Ну, Макар, теперь держись, – прошептал он и, обняв мальчика, крепко прижал к себе. – Смотри не проговорись, помни, что ты сейчас девочка!

– Небось! – кивнул головой Следопыт.

Мужик, везший их, тоже оглянулся.

– Ишь ты, – сказал он. – Куда это так торопятся казаки? Можно подумать, нас догоняют.

– Зачем мы им? – усмехнулся Мартын. – Они ведь с попами не воюют!

– Стой! – закричали в это время казаки, подлетая на всем скаку к подводе. Мужик побледнел, затянул вожжи и побелевшими губами сказал:

– Тпру!

Телега остановилась. Макар невольно задрожал всем телом: попались! Теперь уж не спасешься. Сейчас казаки начнут их обыскивать и узнают, что Макар – переодетый мальчик, а Мартын красноармеец, а не поп! Бежать некуда, да и не успеешь. Смерть пришла!

– Батюшка, – обратился один из казаков к попу, – вы нас простите, но мы обязаны осмотреть ваши документы: мы ищем кое-кого, а вы и ваша дочка уж очень похожи на тех, кого мы ищем.

– Кого же вы ищете? – спросил Мартын, чтобы оттянуть время.

– Ваши документы! – строго перебил его другой казак и протянул руку. Мартын растерянно сунул руку в карман.

– Какие ж у меня документы? Я здешний священник, еду в город, паспорта не захватил. Меня тут все знают!

– Коли паспорта нет, мы обязаны вас обыскать. Ваша фамилия?

– Вознесенский, – сказал Макар, знавший фамилию своего сельского попа. В это время Мартын торопливо вытащил из кармана рясы какую-то книжонку.

– Ничего из документов не захватил, кроме вот этого, – сказал он и сунул казакам книжку, даже не взглянув на нее. Макар чувствовал, как дрожит его рука, обнимавшая мальчика. – «Пропали!» – пронеслось в голове у бедняги.

Казаки схватили книжку, один из них чиркнул спичкой; оба наклонились над книгой, перегнувшись с седел, и долго ее разглядывали.

– Часослов! – по складам прочел один.

– Вот тут фамилия обозначена, – сказал другой.

– Иоанн Вознесенский, – прочел первый и оба помолчали. – Стало быть, эта книжка его.

Мартын кашлянул и строго подтвердил:

– Да, братцы, это мой часослов.

Казаки переглянулись. Один сказал другому вполголоса:

– Что ж, кабы этот человек был красный, неужто поп ему свой часослов подарил бы? Ну, рясу он мог припасти, а на кой большевику часослов?

– Так-то так! – ответил другой и почесал в затылке. – А для верности все ж бы лучше обыскать.

– Ну, казачки, не задерживайте нас, время позднее, – внушительно сказал Мартын. – Или обыскивайте – или уж отпустите.

– Просим прощения, батюшка, – ответил казак, возвращая ему книжку. – Обознались. Поезжайте с миром. Простите.

– Бог простит! – серьезнейшим тоном ответил Мартын и подмигнул Макару. Тот чуть-чуть не расхохотался. Казаки повернули лошадей и исчезли в темноте.

– Вот ироды! – сказал возница, трогая лошадь. – Уж не знают, к кому и прицепиться. Духовное лицо и то не уважают.

Мартын не вытерпел и фыркнул:

– Да, брат, вот и часослов за паспорт сошел! Ах, дурачье, дурачье.

– Сущие дурни! – подтвердил мужик. – Но-о! Трогай! – закричал он на лошадь, и телега, выехав из лесу, быстро покатилась по подсохшей степной дороге.

Макарка крепче прижался к своему другу; тот заботливо укрыл его полой широкой рясы, приговаривая:

– Усни, дочка, усни, милая: намаялась за день, бедняжечка!

Низко наклонившись к мальчику, он лукаво шепнул ему на ухо:

– И как это попа угораздило забыть в кармане свой молитвенник! Везет нам, брат, не унывай!

И крепко пожал ему руку под рясой.

Отдохнув от своего испуга и пригревшись, Макар заснул: он не слышал, как они приехали в большое село Милорадовку, как остановились во дворе корчмы, как Мартын с возницей уходили закусывать и греться самогоном. Не слышал и того, как уехали из Милорадовки. Проснулся он только на восходе солнца, когда телега затарахтела по мостовой губернского города.

Открыв глаза, он с удивлением осмотрелся: сразу не мог сообразить, где он и что с ним.

И только когда увидел наклонившееся к нему лицо Мартына, вспомнил приключения прошлого дня и весь так и загорелся радостью.

– Ну, дочка, приехали! – сказал Мартын, остановив возницу на углу улицы. Они спрыгнули наземь, Мартын расплатился с мужиком, и тот поехал дальше. Выждав, пока он не исчез из глаз, Макаркин приятель повернул в переулок, прошел несколько домов и вошел во двор, в глубине которого виднелся маленький деревянный домишко.

– Теперь, дорогой мой, – сказал Мартын, подойдя к двери домика, – теперь подожди меня здесь, во дворе. Когда надо будет, я тебя кликну.

Он постучал. Через минуту за дверью послышался голос:

– Кто там?

– Курочка-потапурочка, уточка-водомуточка, петух-рокотух! – непонятно ответил Мартын.

– Да неужто! – вскричал голос за дверью. Она распахнулась, и на пороге появился рабочий в черной блузе. Крепко тряхнув руку Мартыну, он втащил его в дом, и дверь снова захлопнулась.

Макар был этим удивлен, но особенно головы не ломал: он уже привык к необыкновенным происшествиям. Позевывая со сна, он принялся бродить по двору.

Вдруг на куче мусора он заметил великолепную рогатку, с крепкой новенькой резинкой. Он сейчас же поднял ее и выстрелил камнем: рогатка действовала превосходно. Обрадованный такой неожиданной находкой, Макар уже думал припрятать ее за пояс, как вдруг над его ухом раздался крик:

– Отдай мою рогатку, дрянь девчонка!

Он оглянулся: сзади него стоял худенький белобрысый мальчишка и, сжав кулаки, смотрел на Макара злыми глазами.

– Я ее здесь вчера вечером обронил. Отдай! – продолжал мальчишка.

– Кто найти сумел, тот и съел! – отвечал, скорчив ему рожу, Макар.

– Отдай! Вздую!

– Попробуй!

– Ах ты, мокроносая! – крикнул белобрысый и бросился тузить Макарку. Тот дал ему сдачи, и оба покатились на землю, осыпая друг друга тумаками. Макар очень скоро подмял под себя своего врага и, придавив его коленкой, заорал:

– Проси пардону!

– Ишь ведь! – пропищал тот, силясь стряхнуть его с себя. – Девчонка, а какая сильная!

Он неожиданно рванулся, и Макар опрокинулся вверх тормашками. Он ожидал нового нападенья, но неприятель дал ему время вскочить на ноги; мальчишка казался совсем пораженным и во все глаза уставился на Макара, разинув рот.

– Ты чего бельма выпучил? – спросил Жук.

– Да у тебя под юбкой штаны! – ответил тот.

– Штаны?.. Ну да, штаны!.. Чтоб теплее было! – соврал, смутившись, Макарка.

– Врешь, ты мальчишка!

– А если и мальчишка, так что?

Белобрысый сделал таинственное лицо и спросил:

– Ты из наших?

– Из каких таких ваших?

– Мы тут все – за революцию! – прошептал тот.

Макар так и подпрыгнул. Вот что! Улыбнувшись во весь рот, он ответил:

– Понятно, из ваших! На, вот тебе твоя рогатка, коли так. А как тебя звать?

– Егоркой Сморчком. Мой тятька – рабочий, механик, шофером в Красной армии служит.

– Ну, коли так, то я с тобой вожусь, – весело отозвался Жук и хлопнул его по плечу. – А я – Следопыт Орлиный Глаз, Красной армии разведчик!

– Значит, мы с тобой… – начал было Егор, но в это время распахнулась дверь дома и появился рабочий, впустивший давеча Мартына в дом. Увидев Макара, он весело крикнул:

– Эй, красавица! Иди-ка сюда!

– Что такое? – спросил Жук, подойдя.

Рабочий положил ему руки на плечи и, вглядываясь ему в лицо смеющимися глазами, продолжал вполголоса:

– Так это ты – Макарка Орлиный Глаз, молодчинище? Иди же сюда, лихая твоя головушка!

Крепко хлопнув его по плечу, он схватил мальчика в охапку, поднял на воздух и, стискивая его в своих железных руках, прошептал:

– Спасибо тебе, товарищ, за нашего Мартына! Ввек мы тебя, разбойника, не забудем!

И, не давая изумленному Следопыту опомниться, потащил его в дом. Дружок с лаем кинулся за ними.

Рабочий втащил Макара-девчонку в просторную горницу, где за столом сидело человек восемь блузников, а среди них – Мартын, уже сбросивший поповскую рясу. Все они были рабочие с металлургического завода, крепкие люди с лицами, обожженными жаром доменных печей, в которых переплавляют руду в железо; мелкий уголь так въелся в кожу их лиц, что отмыть его уже не представлялось возможности. Но несмотря на то, что лица их от этого казались темными и суровыми, и несмотря на то, что они говорили как заговорщики, поминутно оглядываясь на окна, – Макар сразу почувствовал к ним горячее расположение, потому что добродушное веселье так и вспыхнуло в их глазах, когда он ввалился в комнату.

Они встретили Следопыта негромким смехом и шутками:

– Доброго здоровья, атаман в юбке! Садись, брат, чай пить да кофту свою поскорей скидавай! Такому молодцу бабьи тряпки не пристали к лицу!

Макар, улыбаясь, стащил с себя платок, сбросил кофту и юбку и опять превратился в статного паренька. Видя обращенное на себя вниманье, он важно уселся за стол и сказал, как говорят индейцы:

– Привет вам, чернолицые братья! Орлиный Глаз предлагает вам свою дружбу.

Эти слова вызвали бурный хохот.

– Мартын, да твой приятель – просто клад! И где ты его выкопал?

– В погребе. Вот спросите-ка его самого.

Макар покраснел, вспомнив, как он познакомился с Мартыном.

– Ладно! – ответил он сердито. – Тыкву-то еще не забыл?

– Помню, помню! – смеялся Мартын. – Здоров он драться, товарищи! Красноармеец выйдет хоть куда!

– Правда ли, Макар, что ты хочешь в разведчики поступить? – спросил один из рабочих.

– Понятно хочу. Вот отдохну и опять через фронт на красную сторону подамся.

Рабочие переглянулись и помолчали. Мартын сказал:

– Хвалю молодца за ухватку. Только ведь тебя в Красную армию не возьмут.

– Отчего?

– Мал уж очень, да и не знают тебя там.

Макарка с досады обжегся горячим чаем.

– Мал? А что бы ты делал сейчас без малого, если б тебя солдаты на батарее изловили или казаки догнали, когда ты с лошади шлепнулся?

– Так-то оно так, да ведь об этом в Красной армии и слыхом не слыхали.

Макар нахмурился и призадумался. Рабочие, улыбаясь, смотрели на него: он кусал себе губы, чтобы не расплакаться от огорченья.

Наконец Мартын сжалился над ним:

– Ну, не тужи! – сказал он весело. – Мы для тебя придумали кое-что. Слушай.

Макар навострил уши.

– Мы хотим дать тебе поручение, – продолжал Мартын. – У нас есть кой-какие интересные новости для Красной армии: сведенья о количестве войск на этом участке фронта, о том,

кто ими командует, сильна ли артиллерия и так далее. Все эти сведенья, а также и некоторые другие, секретные, надо доставить в штаб N-й армии. Вот мы и хотим послать тебя. Согласен?

Следопыт так и подпрыгнул на табурете:

– Согласен ли?! Конечно согласен!

– Смотри, брат, дело это нелегкое: если попадешься белым, они тебя в один миг расстреляют или повесят как шпиона. Не трусишь?

– Эвона! Припомни вчерашний день.

– Так-то так, но ведь вчера мы были вдвоем: все не так страшно. А тут уж никто не поможет.

– Одному легче. Меня не изловят, я ужом проскользну всюду.

– Хорошо. Кроме того, мы напишем письмо в Красную армию о тебе: кто ты и что ты, и будем просить взять тебя в разведчики.

Макарка завизжал от восторга и чуть не пошел вприсядку. Рабочие ласково ухмылялись, видя такое усердие со стороны нашего удальца.

– Ну, Мартын, пиши! – сказали рабочие, когда мальчик поуспокоился. Принесли чернил и кусок чистого коленкора; Мартын взял чернильный карандаш, смочил тряпочку водой и написал на ней записку. Потом он прочел вслух написанное:

«Дорогой товарищ, – я не знаю, кто вы, потому что не знаю, в какую часть Красной армии попадет податель этого письма, мальчик из села Заборов, Макар Жук. Обращаюсь к вам, как к красному командиру, с просьбой выслушать этого мальчика и зачислить его в команду разведчиков вашей части: парень этот – сорвиголова, храбрец и ловкач; он два раза спас мне жизнь, пока я пробирался на сторону Красной армии. Думаю, что он будет очень полезен делу революции. Обо мне вам может дать справку командир N-й армии, которому прошу переслать прилагаемый пакет с донесеньями. Этот пакет вам передаст Макар.

Мартын Граев».

– Это письмо, – добавил Мартын, кончив чтение, – ты передашь командиру того полка, в какой попадешь, перейдя фронт. Вот пакет: командир перешлет его, куда надо. Для того, чтобы ты по дороге не попался, мы зашьем все эти документы в шапку. Все они написаны на тряпках и шуршать не будут, если даже кто-нибудь вздумает пощупать эту шапку.

С этими словами он поднял лежавшую на столе шапку, распорол подкладку и вложил под нее оба письма. Взяв из рук рабочего, сидевшего рядом с ним, иголку с ниткой, он снова зашил подкладку, затем, мазнув пальцем о дно закопченного чайника, старательно затер шов сажей и только после этого примерил шапку Макару на голову.

– Так! Как раз впору!.. А теперь, Макарушка, поди, погуляй во дворе, нам надо поговорить еще о делах. Когда кончим, Михайло отвезет тебя в Милорадовку, а оттуда ты отправишься дальше один.

Он опять снял шапку с Макара и весело хлопнул его по спине. Тот радостно побежал во двор, лаская своего неразлучного Дружка.

– Дружок! – сказал Следопыт, очутившись опять во дворе. – Вот мы и на службе! Теперь, брат, гляди в оба!

Схватив Дружка за передние лапы, он начал кружиться и плясать с ним, будучи не в силах сдержать своего восторга. Егор Сморчок, увидев его в таком возбуждении, подбежал, спрашивая, в чем дело.

– Да вот задачу мне задали, – отвечал Макар. – Через фронт пробраться и письмо отнести.

– Возьми и меня с собой! – воскликнул Егор. – Я к тятьке проберусь. Вдвоем веселее, да и не так страшно.

– Взять? А ты не сробеешь? Вон какой ты щуплый, словно и впрямь сморчок.

– Ты на это не гляди. Зато я много умею.

– Будто бы?

– А то нет? Автомобилем умею править.

– Ну-у? Врешь?

– Лопни мои глаза – умею: тятька научил… На мотоцикле кататься могу.

– Ишь ты!

– Проводить полевой телефон умею.

– Это что такое?

– Машинка такая: с одной стороны ящичек, и с другой стороны ящичек, а от одного до другого проволока по земле тянется. Ежели в один ящичек говоришь, так в другом голос слышен будет. К примеру, ежели один ящичек стоит здесь, в городе, а другой – в Милорадовке, так из города туда говорить можно по проволоке.

– Ай чудеса!

– Тоже и паровоз в ход могу пустить: езжал и на паровозе, руду возил. Я, брат, дотошный, всюду лазил. Смотри, пригожусь!

– А ведь и впрямь пригодишься! Ну что ж, Егорка, идем вместе!

– По рукам!

Оба присели в тени дома и принялись рассказывать друг другу свои похождения.

Часа через полтора из дому вышел Мартын и молодой рабочий.

– Пора отправляться, Орлиный Глаз! – крикнул Мартын. – Вот, пойдешь с Михайлой на постоялый двор, там он лошадь достанет и отвезет тебя в Милорадовку. Дальше ему ехать опасно. Ты очень себя не утруждай, переночуй в Милорадовке, завтра пойдешь дальше. Через фронт постарайся перейти в ночь на послезавтра.

– Ладно, – ответил Макар. – А ты позволишь Егорке со мной идти?

– С тобой? Об этом надо его дядьку спросить. Петр, а Петр! – крикнул он в дом. Оттуда вышел рабочий, впустивший давеча Мартына.

– Егор твой с Макаром просится, отпустить, что ли? – сказал Мартын.

– Куда тебя несет? – удивился Петр.

– К тятьке, дяденька. Я его там отыщу!

– А если не отыщешь?

– С Макаркой служить буду.

– Ну что ж! – подумав, сказал Петр. – Дело хорошее. Я согласен.

Егор подпрыгнул от радости. Петр усмехнулся, похлопал мальчика по спине и сказал Михайле, передавая ему узелок:

– Лошадь пойдет в Милорадовку после обеда. Вот здесь харчи, это ребятам оставишь. А сейчас накорми их горячим на постоялом.

– Ладно.

– Ну, Макар, прощай, – сказал Мартын, крепко встряхнув мальчику руку и надевая ему драгоценную шапку с бумагами. – Береги эту шапку, как зеницу ока. Спасибо тебе великое за то, что помог. Я тебя никогда не забуду. Командир N-й армии известит меня о том, в какую часть ты поступишь служить. Я постараюсь тебя найти, когда вернусь на красную сторону. Прощай, мальчуган!

Они еще раз пожали друг другу руки на прощанье, а затем Егор, Макар и Михайло пошли к воротам. Выходя на улицу, Жук обернулся: Мартын и Петр стояли у дверей дома и, ласково улыбаясь, глядели им вслед. Макар помахал им рукой. Мог ли он тогда угадать, при каких необыкновенных и удивительных обстоятельствах повстречается снова со своим другом Мартыном!

И вот опять едет Макар той же дорогой, но теперь он едет уж назад, в сторону родных Заборов, и рядом с ним сидит новый друг – механик и мудрец Егорка Сморчок.

Выехали они из города после полудня. Далеко вокруг млели под горячим солнцем золотистые поля, на которых уже начиналась жатва. Макар лежал в телеге, посматривая по сто-

ронам, и не раз хотелось ему спрыгнуть на землю, побежать в широкую степь – на помощь мужикам, косившим рослую рожь. Так и зудели руки, хотелось им вволю размахнуться косой и резать под корень золотые, зыбкие стены хлебов.

Вдруг Макар разинул рот от удивления: это что еще за штуковина такая?

Едет промеж хлебов машина, бойко трещит, спицами на солнце сверкает; а за ней снопы готовые, веревкой связанные, так и ложатся, так и ложатся. Кто же их вяжет? Ни баб, ни мужиков не видать вокруг, один только парень на козлах сидит, тройку лошадей кнутиком подгоняет.

– Стой, стой! – заорал Макар, спрыгивая с телеги. – Что за диковина? Надо посмотреть.

Михайло, смеясь, остановил лошадей.

– Да неужто ты не видал сноповязалки? – спросил он. – Это немец-колонист рожь косит. Видишь, машина все сама делает: и жнет, и снопы вяжет.

Мальчики подошли ближе и, дивясь, глядели на невиданную машину. Макар вспомнил, как жали хлеб мужики у них в деревне: кто косой машет с утра до поздней ночи, кто с серпом гнется до земли, бабы бегают с ворохами ржи в руках, вяжут ее в снопы соломенными жгутами. Жара, пыль, спину ломит, руки болят, глаза от натуги на лоб лезут, – вспомнить, и то жалко мужиков становится!

А тут – просто не верится: один-одинешенек парень со всем делом управляется, катается на машине да посвистывает. Как пила, грызет хлеба под корень зубчатая коса, каждую минуту падает наземь сноп. Вот благодать!

– Эх, – сказал Макар, почесав с досадой в затылке, – такую бы машину нашим мужикам, – сразу бы они разжирели.

Михайло засмеялся.

– Верно, брат! Да ты не тужи, скоро и у нас эти диковины заведутся. За это ведь и война у нас идет, – чтобы не одним только богачам жить по-человечески. Скоро у каждого мужика и сеялка, и сноповязалка, и паровая молотилка будет… Ну, едем дальше, а то к вечеру не поспеем в Милорадовку.

Ребята уселись в телегу. Макар развалился на соломе и невольно начал мечтать о том, как будет хорошо, когда все мужики станут богатыми и заведут себе такие машины. Он и не заметил, как задремал, и, когда проснулся, солнце уже клонилось к закату. Егор тоже мирно всхрапывал, лежа рядом на соломе. Лошади мерно стукали копытами, и под их перебой Михаил затянул заунывную песню.

В Милорадовку приехали уже вечером, и Михайло подкатил прямо к кормче. Навстречу им вышел старый еврей в длинном лапсердаке.

– Здравствуй, Герш! – сказал Михайло. – Привез тебе постояльцев: эти ребята у тебя переночуют, ты с них ничего не бери: они едут по нашему делу.

– Ага! – ответил Герш. – Понимаю! Как же можно брать со своих!

Он отвел ребят в корчму. Михайло простился с ними во дворе и сейчас же, даже не покормив лошадей, двинулся в обратный путь: старик сказал ему, что в корчме остановились трое офицеров, которые едут на фронт, Михаиле это не понравилось.

– Ну их, еще попадешься! – сказал он. – У белых контрразведка зоркая. Вас, ребята, они не заметят, а мне опасно.

Когда ребята вошли в небольшую комнату со столами и лавками посередине, там было шумно, тесно и накурено: человек десять мужиков ужинали за одним столом, а за другим расположились офицеры и пили чай, время от времени покрикивая на Ципу, жену Герша. Старый еврей проводил ребят за прилавок, усадил их там и начал угощать чаем и бубликами.

– Что ж, Егорка, – сказал Макар. – Вот поужинаем, да и спать завалимся: завтра надо быть на ногах чуть свет.

– Да, до позиций далеко, – заметил тот. – Хорошо, если найдем попутчика с лошадьми, а то весь день придется шагать.

– Авось найдем, – ответил Жук и хотел что-то еще прибавить, как вдруг знакомое гуденье поразило его. Вскочив на ноги, он выглянул в окошко: так и есть! Во двор корчмы медленно въехал автомобиль Балдыбаева и остановился у двери. Через минуту вошли сам Балдыбаев, его сын и Любочка.

– Ба, да здесь свои люди! – вскричал Балдыбаев, увидев офицеров. – Здорово, господа офицеры! Очень приятно познакомиться! Представьте себе, какое несчастье: автомобиль все время ломается, придется ночевать в этой дыре.

Они уселись за стол. Макар давно уже спрятался за прилавок: вот беда! Ведь если Балдыбаев узнает его – все пропало. Уж он его сцапает, выпорет да еще, чего доброго, в город увезет!

Как быть?

– С чего это ты сробел? – шепотом спросил Егор.

– Помещик наш здесь! Беда! – ответил Жук. – Скажи Гершу – проси, чтобы он меня спрятал.

Егор кивнул головой; он сразу смекнул всю опасность положения. Пробравшись к еврею, который хлопотал около гостей, он шепнул ему:

– Выручай, дедка! Надо Макарку от помещика спрятать.

Еврей побледнел и быстро ответил:

– За прилавком – подполье, пусть слезет туда.

Егор вернулся к Жуку и передал ему слова Герша. Оглядевшись, мальчики увидали неподалеку от себя опускную дверь подполья. Егор поднял ее, и Макарка соскользнул вниз в сырое и темное пространство.

Брр, как там было гадко! В темноте Макар нащупал какие-то ящики и бочонки и долго возился, стараясь примоститься поудобнее. Однако только что он разлегся на каком-то ящике, от которого шел запах гнилья, – большущая крыса вдруг шмыгнула по его груди, мазнув его хвостом по носу. Он взвизгнул и вскочил: он не боялся крыс, но здесь, в темноте, они показались ему страсть какими противными.

«Эх, жаль, спичек нет…» – подумал он и решил выпросить у Герша коробок спичек. Но теперь делать было нечего: приходилось мириться с непрошенными жильцами подполья.

Макар поудобнее разлегся на своем ящике, плотно укрылся с головой случайно подвернувшимся мешком и решил заснуть во что бы то ни стало. Он надеялся, что при первой же возможности Егор разбудит его, и они удерут из проклятой корчмы, где они нашли такой неприятный ночлег.

Однако дело приняло вдруг совсем неожиданный оборот.

Егорка, пользуясь тем, что помещик не знает его в лицо и не подозревает об его дружбе с разбойником-Макаркой, решил остаться в корчме и ждать удобного случая, чтобы выпустить друга из подполья и задать вместе с ним стрекача. Он подсел ближе к Балдыбаевым и стал прислушиваться к тем разговорам, какие они вели с офицерами. Егору очень не понравился сам Балдыбаев, но его сын-подпоручик вовсе не показался ему злым и страшным: его красивое лицо все время улыбалось, и улыбка эта была добрая и веселая. Дочка Любочка тоже приглянулась мальчику: она была худенькая, светловолосая, с быстрыми и смелыми глазками и говорила много такого, на что отец ее очень сердился, а Егор дивился про себя.

– Вы себе представить не можете, как избаловались мужики, – говорил Балдыбаев. – Они за прошлую зиму привыкли разбойничать и стали себя считать полными хозяевами нашей земли. Так на нас волками и смотрят.

– Пороть их надо, – сказал один из офицеров, красный от выпитой водки.

– Не очень-то они дадутся, – вставила Любочка.

– Молчи, не твое дело! – отмахнулся от нее отец. – Да, надо пороть, но представьте себе, когда я был в деревне, вышел такой случай. Есть там в селе маленький прохвост, хулиган, по прозванию Макарка Жук. Этот негодяй заявил, что мы не имеем права владеть землей, запустил в меня камнем, а потом удрал!

– И он был совершенно прав, – опять заметила Любочка, – ты, папа, хотел его выпороть.

– За такие слова и надо драть!

– А что же он особенного сказал? То, что у нас слишком много земли, а у мужиков ее не хватает? Так это всякий дурак знает!

– Замолчи, ты, большевичка! – крикнул отец.

– Нет, Люба отчасти права, – вставил молчавший до тех пор сын Балдыбаева. – Нам не следовало приезжать в именье. Землю вернули помещикам преждевременно, и ссориться теперь с мужиками – значит озлоблять их против добровольческой армии.

– Ну, ты тоже дурачок, Юрий, – махнул на него рукой Балдыбаев. – Чем больше с ними церемониться, тем больше они обнаглеют. Попадись мне этот Макар, я б ему всыпал!

Егорка невольно сжимал кулаки: так бы и отдубасил он этого толстого пана!

Вдруг спор помещиков прервал страшный визг и лай в сенях: Дружок, оставленный Макаром во дворе, соскучился и просился теперь в корчму.

Не успел Егор сообразить как следует, чем может грозить внезапное появление Дружка, как пес уже ворвался в комнату вслед за вошедшей Ципой. Стремглав промчавшись через комнату, он остановился за прилавком, под опускной дверью в подполье и, царапаясь в нее лапами, принялся неистово выть: он почуял спрятанного Макара и решил, что хозяин его в опасности.

В комнате поднялся страшный переполох: все повскакали с мест и окружили собаку. Бедный Герш так перепугался, что выронил из рук чайник с кипятком, тот упал Ципе на ноги и обварил ее. Ципа завизжала и бросилась на Дружка с веником; тот зарычал и чуть было не укусил ее. Офицеры хохотали, очень довольные, а Любочка закричала:

– Папа, а папа, а я ведь видела где-то эту собаку!

Юрий посмотрел на собаку и заметил:

– Если не ошибаюсь, этот пес лаял на нас в именьи.

– Да, да! – подтвердил сам Балдыбаев. – Это собака Макарки Жука. Но что она здесь ищет?

– Ой, пане, не подходите к проклятой собаке! – взвизгнул Герш, боясь, что Балдыбаев сообразит, в чем дело, и отыщет спрятанного Макара. – Разве вы не видите, что она бешеная!..

– Бешеная? Ну нет, бешеные собаки так себя не ведут, любезный! – отвечал Балдыбаев, зорко всматриваясь в его испуганное лицо. – Тут что-то неладно!

– Да, бешеные собаки бегают, опустив голову и поджав хвост, а изо рта у них течет пена, – сказал кто-то из офицеров. – А этот пес почему-то царапается в пол за прилавком.

Юрий оттолкнул Дружка ногой и заметил дверь в подполье.

– Да ведь тут подвал! – сказал он.

– Ой, паночки, там вовсе не подвал, там только маленькое подполье с крысами! – голосил Герш, хватая Балдыбаева за полы, но его никто больше не слушал: отогнав Дружка, офицеры мигом подняли дверь в подполье, и один из них спрыгнул туда. Он зажег там спичку, и до стоявших в комнате донесся его возглас:

– Ба, что ты здесь делаешь, приятель?

Крайнее любопытство выразилось на всех лицах; все столпились около подполья. Через миг оттуда появился офицер, таща за собой барахтавшегося и отбивающегося Макара.

– Что я и говорил! – с торжеством воскликнул Балдыбаев. – Именно это и есть Макарка Жук! Странно, странно, зачем ты попал сюда!

Макара поставили посреди комнаты и начали допрашивать. Егор, видя, что теперь делу ничем не поможешь, проклиная глупого Дружка, выдавшего Макара своей чересчур нежной дружбой, потихоньку выскользнул в сени и притаился там, прислушиваясь к голосам в корчме.

– Говори, зачем в подполье забрался? – грозно гремел Балдыбаев.

– Очень тебя испугался, дяденька! – отвечал Макар.

– А почему ты здесь, в корчме?.. А, проклятый жид, ты большевиков прячешь! – закричал Балдыбаев на Герша.

Тот повалился ему в ноги.

– Ой, пане, я тут ни при чем! Ой, он сам сюда забрался, воришка нехороший!

– Папа, какой он большевик? Еще что выдумаешь! – вступилась Любочка.

– Не суйся не в свое дело!.. Отвечай, бандит, зачем ты здесь?

– В город пробираюсь, – храбро соврал Макарка.

– В город? Зачем?

– К сестре.

– Врешь. Ты большевик, подстрекал мужиков к бунту и запустил в меня камнем. Мы тебя доставим куда следует.

– Да, это все очень подозрительно, – вмешался один из офицеров. – Надо обыскать корчму.

Ципа завизжала неистовым голосом и также повалилась в ноги Балдыбаеву. Но офицеры уже гнали прочь ужинавших мужиков. Выставив их во двор, они спустились со свечами в подполье и принялись его обыскивать. Макара же заперли в маленький чуланчик возле кухни. Сидя там, наш бедный Следопыт слышал, как воет и лает во дворе Дружок. Сердце Жука разрывалось от горя и отчаянья, но ничего не мог он придумать для своего спасения.

Обыск привел к неожиданным и крайне зловещим открытиям: в подполье у Герша нашли целый ящик с патронами, а в дальнем углу под фундаментом оказался зарытым пулемет. Макар узнал об этом из злобных выкриков разъяренных офицеров.

Герш и Ципа голосили не своим голосом, но все их оправдания и слезы не привели ни к чему. Их решали везти в город вместе с Жуком и передать контрразведке. Сжимая в руках свою шапку, Макар мучительно думал, не распороть ли ему подкладку и не разорвать ли в клочки драгоценные записки, чтобы они не достались в руки белым.

Однако ему не хотелось торопиться: «разорвать еще успею», – думал он, все еще не желая терять надежды на спасение – он успел заметить, что Егорки в корчме не было, и ждал, что тот как-нибудь выручит попавшего в беду Следопыта. Так мучаясь, переходя от надежды к отчаянью, Макар сидел в темном чулане до тех пор, пока волнение, вызванное обыском, не улеглось. Часа через два голоса затихли: офицеры и Балдыбаев легли спать, заперев связанных евреев в отдельную комнату.

Макар понял, что если спасение не придет теперь, то оно не придет никогда!

Прошло более часа. Царила полная тишина. До Макара не доносилось ни единого звука: казалось, весь мир забыл его. Он уже начал впадать в полное уныние, когда вдруг легкий шелест за дверью заставил его напрячь слух.

Он расслышал, как кто-то тихонько подкрадывался к чулану, вот скрипнула половица, вот стукнула задетая в темноте скамейка.

– Егорка, ты? – вполголоса окликнул Жук.

Никто не отвечал. Только тихое шуршанье и прерывистое дыхание показывало, что за дверью стоит кто-то. У Макара зашевелились волосы на голове: вспомнились сказки о привидениях и ведьмах. Что если это привидение ходит по темной корчме? Бедняга чуть было не завопил во весь голос, и только страх разбудить своих врагов заставил его собраться с последним мужеством и овладеть собой.

Но мужество и присутствие духа совсем покинули его, когда он услышал, что кто-то пытается отодвинуть задвижку чулана; вот звякнула щеколда, дверь тихо-тихо приотворилась, и какая-то белая фигура в саване, как показалось Макарке, появилась на пороге. Он слабо охнул и отскочил в угол, стуча зубами от страха.

Однако привидение не предпринимало никаких враждебных действий: оно стояло неподвижно на пороге, вглядываясь в темноту чулана. Потом чуть слышный шепот спросил:

– Макар, ты жив?

Что такое? Женский голос? Жаром обдало Жука!

– Любочка, ты?

– Я. Тише. Где ты?

Макар на цыпочках подошел к ней и схватил ее за руку. Она вздрогнула.

– Слушай, Макар, ты ужасный разбойник и большевик. Скажи, это ты спрятал в подполье пулемет и патроны?

– Нет, не я. Я и не знал о них.

– Почему же ты там очутился? Ведь тебя теперь расстреляют!

– Я пробирался к сестре Ганке и зашел переночевать в корчму. А тут приехали вы. Я испугался и залез в подполье. Вот и все.

– Ну ладно!.. Знаешь, я весь день тогда думала. Ты молодец, Макарка! А с мужиками драться совсем глупо… и Юрий зря с вами воюет… Совсем это ни к чему… А тебя мне жалко… мы ведь с тобой рыбу ловили… И вообще все это чепуха!

Эти слова она прошептала быстро-быстро, прижавшись всем телом к Макару, обдавая его лицо своим взволнованным горячим дыханием. Сердце его вдруг согрелось какой-то нежданной лаской. Крепко стиснув ее слабенькую, непривычную к работе ручку, он шепнул:

– Ты хорошая, Любик. Я знаю, ты будешь за нас, мужиков.

– Буду, Макар. И теперь пришла освободить тебя. Беги, пока они не проснулись.

– Но ведь тебе достанется?

– Ну, так что же! Пусть! Ведь не расстреляют же меня, как тебя!

– Спасибо! – прошептал Макар, чувствуя, как слезы защекотали ему горло. – Выпусти и Герша! – попросил он.

– Не могу: их заперли на замок… Иди! Я уже открыла окно в кухне, – продолжала Любочка, увлекая его в темноту. – Выскакивай, только смотри не попадись: там часовой на крыльце, около автомобиля.

Оба на цыпочках перебежали кухню. Вот и окно. Смутно белеет оно звездным светом в черно-бархатном небе. Макар вскочил на подоконник и огляделся. Неясной громадой темнел неподалеку автомобиль. Часовой на крылечке сидел, держа в руках винтовку, спиной к Макару. Одним прыжком мальчик перемахнул в крапиву, буйно росшую под окном, и на миг притаился там. Он видел, как тихо закрылось окно над ним. Спасибо тебе, милая девочка! Никогда, никогда не забудет Следопыт твоей помощи!

Как индеец, проползающий в лагерь бледнолицых, пополз Макар сквозь густую крапиву. Он не замечал, как жгла она ему руки и лицо, – до такой степени он был погружен в разрешение задачи: где сейчас Егорка? Дружок уже не выл, и это заставляло Макара думать, что успокоил собаку Егор.

Но где теперь оба друга и как их найти?

Он уже отполз шагов на двадцать от дома и приближался к плетню, как вдруг мягкий топот собачьих лап раздался над ним, и ошалевший от радости Дружок с тихим визгом лизнул его в лицо. Он издали учуял хозяина и примчался к нему.

– Тш! Цыц! Дружок, убью! – сердито зашипел на него Макар.

Дружок сконфуженно присмирел.

– Где Егорка, Дружок? – спросил Жук. Дружок поставил ухо парусом, внимательно посмотрел на хозяина и понял, что ему надо. Он сорвался с места и исчез в темноте…

Егор, выскочив из корчмы, все время сидел, прячась у ворот, и думал, как бы выручить друга. Однако отчаяние охватывало его. Как помочь? Корчма полна офицеров, а он даже не знает, в какой комнате сидит Жук. Да если бы и знал – что толку!

Только он полезет в окно, как мигом его изловят и посадят под замок вместе с Макаром. Ничего не выйдет!

Часа два ломал он себе голову. Вдруг Дружок, рыскавший все время вокруг корчмы, подбежал к нему. Прыгая и повизгивая, он потянул Егорку за рукав, будто звал его за собой. Что случилось? Мальчик бегом кинулся за собакой.

Пробежав шагов тридцать, он наткнулся на чье-то темное тело, лежавшее в траве. Дружок кинулся к этому телу и начал теребить его в буйной радости.

– Макар, ты? – не веря глазам, спросил Егор.

– Я! – донесся тихий шепот. – Удрал!

– Как?

– Потом расскажу. Теперь ноги уносить надо.

Егор присел около него на траву и заговорил торопливо:

– Слушай, брат, я придумал. Я бы давно удрал, кабы ты был здесь. Айда на самокат – и уедем!

– Вот раз!

– Ну да! Я ведь умею пускать его в ход и править. Черта с два нас догонят!

Макар тихонько свистнул. Ай да Егор! Вот это так дружище!

Он раздумывал только одну минуту: потом вскочил на ноги и оба, не говоря больше ни слова, бегом кинулись к автомобилю.

Они подобрались к нему, припадая к земле, прячась за его кузовом от часового, сидевшего на крыльце. Как блоха прыгнул Макар на самокат. Егор уже подскочил к ручке впереди машины и одним резким движением пустил в ход мотор. Мотор взвыл и затарахтел, а Егор пулей взлетел на него, сел за руль, нажал педаль и дернул рычаг скорости. Машина рванулась, будто кто-то швырнул ее в мрак. Это произошло с такой быстротой, что задремавший часовой не успел и опомниться. Когда он вскочил на ноги, автомобиля и след простыл. Обалдев от испуга и злобы, солдат выстрелил в темное пятно, исчезавшее в воротах.

Все это – рев машины, вскрик и выстрел часового, неистовый лай Дружка, успевшего на ходу вскочить в автомобиль, – произвело страшный переполох в корчме. Офицеры повскакали со скамеек и бросились во двор, стреляя из револьверов. Герш и Ципа дружно взвыли в своей тюрьме, а Балдыбаев принялся во весь голос браниться, с перепугу не попадая в свои сапоги. Одна только Любочка не испугалась, уверенная, что это Макар набедокурил; но и ей оставалось непонятным, как это Жук ухитрился уехать на автомобиле!

А наши лихие ребята во всю мочь лупили по улице села, пугая сонных мужиков гудками и отчаянным гудением мотора. Они едва различали дорогу, одни только звезды светили им. Но недаром Следопыт носил кличку «Орлиный Глаз». Глядя вперед, он предупреждал Егора о всех рытвинах и камнях на дороге, и тот ловко объезжал их. Дружок, прижавшись всем телом к своему хозяину, дрожал и жалобно скулил: он не привык ездить с такой бешеной скоростью.

Раза два Макар оглянулся: сзади продолжали яростно палить им вдогонку. Но пули пролетали так далеко от них, что за шумом мотора они даже не слышали их визга. Пока офицеры добежали до своих лошадей, автомобиль был уже далеко, и все кончилось бы благополучно для наших удальцов, если бы не случайный казак, скакавший им навстречу с донесением в город.

Казак этот, услышав стрельбу и поняв, что стреляют по автомобилю, тоже приложился и выстрелил из винтовки, когда машина проносилась мимо него. Макар почувствовал удар,

будто кулаком, по шапке, – и шапка, эта бесценная шапка, слетела с его головы и шлепнулась на дорогу. Что было делать? Остановиться – попасть в лапы казаку, ехать дальше – потерять все записки и, быть может, оставить секретные сведения в руках врагов! Макар ахнул, в отчаяньи схватился за голову.

Приходилось мчаться дальше. И ребята понеслись, не убавляя скорости, пока выстрелы и крики за их спиной не умолкли совсем. Так мчались они около часа. Темные степи летели им навстречу с ужасающей быстротой. Автомобиль кидало и швыряло во все стороны.

Вдруг Егор оглянулся и сказал изменившимся голосом:

– Машина не слушается руля. Пропали!

– Тормози! – крикнул Макар.

– Тормоз не действует! – ответил тот – и все потемнело, закружилось вокруг них: автомобиль с размаху врезался в хлеба, попал колесом в борозду и перевернулся. Оба вылетели, как пробки из бутылки, и шлепнулись наземь шагах в двадцати от машины. Раздался громкий взрыв, обломки посыпались вокруг них, а потом все стихло.

– Ты жив? – спросил Макар, придя в себя.

– Ой, чуть жив! – слабо простонал в ответ Егор.

– Н-да! Здорово шлепнулись! – продолжал Жук. – Вот-те и покатались!

– Недаром машина эта все время ломалась, – глубокомысленно заключил Сморчок.

– То-то недаром. Куда идти теперь? Где мы?

– А кто его знает!

Макар помолчал с минуту.

– Эх, плохо! Жаль мне шапки, – сказал он. – Будем сидеть здесь до утра, а там видно будет, куда идти.

– Не здесь! Сюда погоня может прийти. Отойдем дальше, там отсидимся.

Оба пошли к леску, темневшему саженях в двухстах в стороне. Дружок бежал, поджав хвост, ужасно расстроенный этим происшествием. Дойдя до леса, они остановились, и Макар вдруг сказал Дружку:

– Ну, Дружок, во всей нашей беде ты виноват. Стало быть, поправляй теперь дело.

Он показал на свою голову, на шапку Егора и продолжал:

– Апорт мою шапку! Шапку! Понял? Принеси шапку! Апорт!

Дружок посмотрел ему в глаза, подумал и вдруг кинулся со всех ног назад, в Милорадовку: умный пес понял, чего требует от него хозяин. Скоро он исчез в темноте.

– Неужто отыщет? – изумленно спросил Егор.

– Кто его знает? Отчего не попытаться? – лениво ответил Жук.

В это время тяжелый грохот пронесся над лесом. Оба переглянулись.

– Эге! – сказал Макар. – Да отсюда, видно, фронт недалеко! Слышишь, пушка бабахнула!

Однако близость фронта не очень смутила ребят. Пользуясь тем, что погони не было слышно, они улеглись в кустарнике и безмятежно проспали до самого утра, когда взошедшее солнце теплым лучом заглянуло в их чащу. Тогда, закусив харчами, которые предусмотрительно сберег за пазухой Егор, мальчики вылезли на опушку леса и стали осматриваться.

Прямо против них, верстах в двух от перелеска, протекал Днепр. От самой реки далеко в степь тянулись по небу белые круглые облачка – разрывы шрапнелей в воздухе: шла артиллерийская перестрелка. Выстрелы доносились хоть и отчетливо, но глухо; до ближайших орудий было не меньше пяти верст. Вдали на краю степи виднелись ветряные мельницы.

– Видишь ветрянки? – спросил Макар. – Нам на них надо путь держать: прямо на красную сторону и придем.

– Дождемся вечера. Тем временем и Дружок прибежит.

– Да, Дружка надо дождаться… Я думал, он за ночь сумеет обернуться. Видно не так-то просто отыскать мою шапку.

Ребята уселись под дубком и, любуясь дальней картиной перестрелки, принялись болтать.

– Скажи, Егор, – спросил Жук. – Ты знаешь, отчего автомобиль едет?

– Знаю, – важно ответил наш механик. – Мне тятька все как есть рассказал.

– Какая же сила тащит его так быстро?

– Бензиновый мотор.

– Это что за штука?

– Машина такая. Перво-наперво, есть в автомобиле бак с бензином; бензин течет по трубке, попадает в цилиндр: цилиндр – это такая штука вроде круглой чугунной банки; по ней взад-вперед ходит поршень. Вот смотри, я тебе нарисую. – И Егорка, взяв сучок, начертил на земле рисунок. – Если бы взять этот цилиндр, круглую банку, да разрезать его сверху донизу пополам, можно было бы увидать все, что внутри него делается. Видишь – поршень: это круг, он плотно прилегает к стенкам цилиндра; к этому кругу приделана палка – шатун; она тянется к валу, на который надеты колеса. Видишь, бензин по трубке каплет в цилиндр. Как только он туда попадет, электрическая машинка высечет искру, от искры бензин вспыхнет и будет взрыв в цилиндре; взрыв ударит в поршень, поршень подвинется вправо и повернет вал. Потом еще взрыв, еще и еще. Так бегает поршень взад-вперед, взад-вперед по цилиндру и вертит вал, а вал крутит колеса автомобиля – и автомобиль едет. Просто?

– Совсем просто. А я думал – невесть какая в нем сила сидит. Стало быть, и трещит автомобиль оттого, что в нем внутри взрывается бензин?

– Понятное дело, оттого и трещит. Иной раз, когда глушитель испортится, словно из ружья выпалит…

В таких разговорах незаметно подошел полдень, потом день начал клониться к вечеру. Дружок все еще не возвращался, и Макар не на шутку стал беспокоиться о его судьбе.

– Эх, изловили, видно, собаку! – вздохнул он. – И шапка пропала, и пес: зря я его послал!

Соскучившись сидеть на месте, ребята прошли к Днепру и искупались. Они долго брызгались и шалили в воде, пока солнце не закатилось, и от реки не повеяло вечерней свежестью. Тогда они вылезли и принялись обсуждать план дальнейшего путешествия.

– Ждать Дружка больше нечего, – говорил грустно Макар. – Он бы давно вернулся. Время тоже пропускать нельзя. Пойдем, хоть на словах расскажем красным, что Мартын благополучно добрался в город. Поверят нам или нет, возьмут нас в разведчики или нет – там видно будет.

– Нам надо разделиться, – сказал Егор. – Одного поймают – другой доберется. Хорошо бы вплавь по Днепру пуститься.

– Ну, что же! Ты плыви, а я пешком пойду: мне надо след на земле оставить, чтобы Дружок смог меня сыскать.

– Дело! Давай спихнем в воду это бревно: я уцеплюсь за него, да и поплыву по течению.

Мальчики столкнули в воду большое бревно, прибитое к берегу волнами. Когда стемнело, Егор разделся, привязал к бревну свою одежонку, взял в руки длинный сук и приготовился к отплытию.

– Прощай, Жук, – сказал он. – Если кто из нас доберется в Красную армию живым, пусть вспомнит друга.

– Оба доберемся! – весело отозвался Макар. – Помни, брат, встретимся в первой деревне на берегу, по ту сторону фронта. Завтра утром будь возле второй хаты.

– Ладно! Счастливой дороги!

– И тебе также!

Егор отпихнулся от дерева и медленно поплыл по течению, уцепившись руками за ствол. Над водой виднелась только его голова, и, глядя издали, можно было подумать, что по Днепру плывет только дерево, упавшее в воду с подмытого волнами берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.